ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 106 (4231)

Вторник, 6 сентября 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

ОТ ГАВАНЫ ДО САНТЬЯГО

Кубинский фоторепортаж специального корреспондента «Литературной газеты» В. ОСТРОВСКОГО

1. *На берегу синего, как тропическое небо, Мексиканского залива раскинулась яркая антильская красавица Гавана. В этом необыкновенном городе новейшая латиноамериканская архитектура причудливо сочетается с ветхой колониальной стариной. Гавана — это узенькие, почти игрушечные улочки с гроздьями балконов и пестрыми щитами вывесок. Гавана — это нескончаемая Пятая Авенида, сверкающая дворцовым великолепием и похожая на гигантскую оранжерею. Гавана — это страшные трущобы (наследие Батисты!), где люди ютятся в дырявых фанерных хижинах, без воды и освещения.*

ПИСАТЕЛЬ И НАУКА

Дневник писателя

Геннадий ГОР

ВОЗВРАЩЕНИЕМ на Землю первых космических путешественниц Стрелки и Белки начинается новая эпоха истории науки.

Эпоха астронавигации приблизилась настолько быстро, что, в сущности, застигла многих из нас психологически не вполне подготовленными для восприятия этого удивительного явления.

Успехи советских ученых и инженеров несут с собой расширение всех горизонтов — научных, технических, художественных. Писатель не в меньшей степени, чем ученый, должен задуматься над тем, как обогатился опыт человечества и какие новые задачи в связи с этим поразительным расширением знаний должны возникнуть и перед литературой.

В начале тридцатых годов Юрий Тынянов, писатель много и интересно размышлявший о специфике литературы, высказал мысль, которая тогда не вызывала споров.

«Я думаю, — писал он, — что три четверти людей, так или иначе образованных, до сих пор обходятся тем фактом, что солнце движется вокруг земли».

И развивая свою мысль, высказался еще категоричнее:

«Знание — знанием, а сознание — сознанием: средний интеллигент ходит, честно говоря, с сознанием того, что солнце всходит и заходит. Ему нечего делать с таким громоздким и совсем неочевидным фактом, что земля движется».

Статья была посвящена проблемам писательского мастерства, и упрек «среднему интеллигенту» в большей мере был адресован писателям. В словах Тынянова явно чувствовалась ироническая усмешка, однако вопрос этот не так прост, как может показаться. Ученые часто сетуют на то, что в художественную литературу очень медленно проникают идеи и факты, добытые современной наукой. Писатели, в свою очередь, могут спросить ученых: насколько нужны они, эти идеи и факты, литературе? Ведь писатель, описывающий, скажем, ловлю кеты и горбуши или душевные переживания влюбленной девушки, вряд ли придет к мысли, что ему нужно срочно засесть за изучение теорий относительности и квантовой механики, изменивших картину мира.

Считается, что к научным представлениям о мире вправе обращаться И. Ефремов, пишущий научно-фантастические романы о космических полетах, или О. Писаржевский, создавший художественную биографию Менделеева, но писатель, работающий в жанре «чистой» беллетристики, полностью освобожден как бы самой спецификой художественного творчества от всяких попыток примирить бытовые представления о мире с представлениями, выработанными теоретической физикой или биологией.

В связи с этим возникает вопрос: меняется ли видение мира (в частности, художественное) под влиянием крупных научных и технических открытий?

Сколько раз романисты описывали солнце. Но вот цитата, не похожая на другие.

«Солнце... сфотографированное с межпланетной станции с помощью рентгеновских лучей, будет выглядеть совсем не таким, каким мы привыкли его видеть. То, что нам сейчас кажется солнечным диском, по всей вероятности, будет лишь сердцевиной большого, пушистого шара, покрытого яркими и мигающими пятнами, в то время как обычно невидимая корона окажется основным источником света».

Откуда эта цитата? Из научно-фантастического романа? Нет, из весьма трезвой и строго научной книги профессора Ю. А. Победоносцева «Искусственный спутник Земли».

Видение мира изменяется по мере расширения научных знаний. Человек уже не удивляется явлениям, которые в XIX веке казались бы чудом. Что бы сказал человек прошлого столетия, даже самый образованный и передовой, если бы ему показали то, что мы можем увидеть, перелистывая любой иллюстрированный журнал, например фотографию невидимой с Земли стороны Луны...

Расширение видения, углубленное и всестороннее знание окружающего, несомненно, меняет внутренний мир советского человека. Но в какой мере художественная литература отражает этот интересный процесс? В какой мере показывает она, как бытовые представления меняются под влиянием представлений научных? На этот вопрос даже не пытаются ответить литературоведы и критики, к сожалению, еще более далекие от наук естественных, чем писатели-прозаики.

Можно назвать немало романов и повестей из жизни ученых. От «Университета» Г. Коновалова до «Кандидата наук» Г. Троепольского, разделенных почти десятилетием, можно перечислить десятка два произведений, в которых речь идет о тех или других проблемах, чаще гуманитарных наук, реже — естественных. О жизни ученых писали такие разные писатели, как А. Бек, Д. Гранин, В. Каверин, А. Коптяева, В. Кочетов и другие.

Романов и повестей, где рассказывалось бы о жизни и работе ученых—физиков и математиков, пока еще единицы. Но о геологах, например, написано немало. Биологических проблем коснулись в своей трилогии В. Каверин, К. Лебедев в романе «Люди и степени», Г. Троепольский и А. Шаров. Разумеется, дело не в теме. Нас гораздо больше интересует вопрос — повлияла ли наука на творческое видение писателя, внесла ли нечто принципиально новое в художественную манеру писателя?

Уже «Университет» Г. Коновалова, где многие образы героев построены несколько прямолинейно и даже наивно (например, образ главного героя Нагайцева), внес в советскую литературу нечто принципиально новое. Г. Коновалов, не боясь обвинения в популяризаторстве, посвящает целые главы научным спорам, вносит в повествование исследовательское начало, интерес не только к человеческим характерам и поступкам, но и к научным и философским проблемам. Еще в большей степени это свойственно известной трилогии В. Каверина и повестям

(Окончание на 3-й стр.)

ГЛАВНАЯ ТЕМА — СОВРЕМЕННОСТЬ

Ученые писатели, художники, композиторы, киноработники Алма-Аты пришли на собрание, чтобы обсудить задачи творческих организаций.

Президент Академии наук Казахской ССР академик К. Сатпаев рассказал собравшимся о недавней встрече руководителей партии и правительства с представителями советской интеллигенции.

На собрании говорилось о творческих планах, подчеркивалось, что главной темой произведений всех деятелей искусства и культуры является современность, созидательный труд советских людей.

Участники собрания приняли письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза.

За рубежом

События и комментарии

Вашингтонские страхи

Маргарита Хиггинс уверяет в «Нью-Йорк геральд трибюн», будто правительство Соединенных Штатов состоит из храбрых людей. В доказательство приводится тот факт, что даже в последние дни правительство «не теряет мужества в положении, которое оно (то есть правительство. — Лит.) не может, не роняя достоинства, изменить».

Что же это за катастрофическое для американских властей положение?

Оно создалось, оказывается, в результате того, что Совет Министров Союза ССР утвердил Н. С. Хрущева главой советской делегации на XV сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Находясь в Финляндии, Никита Сергеевич Хрущев предложил, чтобы именно главы правительств, облеченные большими правами и полномочиями, возглавили свои делегации на XV сессии Генеральной Ассамблеи. Это возможное решение приветствуется во всем мире, в том числе и в ведущих странах Запада. Но такой выход не устраивает американское правительство. Оно торпедировало Парижское совещание в верхах и несклонно к непосредственной встрече глав правительств, хотя бы и в рамках ООН. Через несколько часов после того, как предложение Председателя Совета Министров СССР стало известно в Соединенных Штатах, появилось инспирированное сообщение из Вашингтона: появление Н. С. Хрущева в ООН будет «бойкотироваться», никакого «совещания в верхах» не произойдет, так как главы «союзных правительств» останутся дома.

Но и сидеть дома главам «союзных правительств» совсем не хочется. Это значило бы разоблачить себя перед Объединенными Нациями, признать свое поражение. Кто знает, как тогда повернутся дебаты на сессии, какие решения примет Генеральная Ассамблея? Мобилизуя свои военные познания, датская газета «Политикен» так оценивает обстановку: Хрущев «сейчас — сторона наступающая, и он намерен сохранять инициативу». Поэтому в печати появляются и противоположные сообщения, вроде такого: «Г-н Макмиллан готов отправиться в конце этого месяца в Нью-Йорк на Генеральную Ассамблею ООН, если есть серьезная перспектива неофициальной закулисной встречи в верхах с Хрущевым».

«Идти или не идти — вот в чем вопрос», вопрос, который мучает сейчас политиков Запада. Пойдешь — плохо, и не пойдешь — плохо.

Поэтому-то большинство выступлений в конгрессе, в печати, на предвыборных митингах в США стало походить на отчаянные вопли о помощи. Это известие, сообщает «Нью-Йорк геральд трибюн», «поразило Вашингтон, как политическая бомба замедленного действия, часовой механизм которой сейчас спокойно тикает, но произведет взрыв 20 сентября». Надо принять срочные меры, молит американская пропаганда, ибо приезд Хрущева в Нью-Йорк — это, дескать, «прорыв солидарности Западного полушария», «подрыв престижа Соединенных Штатов» и даже... попытка провести «совещание Коминтерна на берегу реки Ист-Ривер»!

Заслышав сигналы бедствия, американцы резонно спрашивают: а в чем, собственно, заключается угроза для безопасности США? И получают удивительный ответ: в том, что Хрущев будет выступать перед Объединенными Нациями. Смешно? Американским правителям не очень. Особенно, когда газеты напоминают, о чем будет говорить Н. С. Хрущев — о разоружении. Нью-йоркская «Дейли ньюс» растравляет раны, цитируя стенограмму еще не произнесенного выступления Хрущева: «Я предложил это решение (о всеобщем и полном разоружении) Ассамблее, но прошел год, и ничего не сделано. Конечно, в этом нельзя винить Советский Союз».

Все основания для того чтобы сказать именно так, — есть. И это приводит в отчаяние правителей США. Что они смогут противопоставить такому справедливому упреку? Американский президент решил, по выражению американских журналистов, затеять «игру в прятки» с Н. С. Хрущевым. Он чувствует, что придется выступить на Генеральной Ассамблее, но мечтает взять слово в такое время, когда Н. С. Хрущева на сессии не будет. По сообщениям печати, дипломатические представители США лихорадочно пытаются выяснить: с какого и по какое число Хрущев будет находиться в здании ООН?

И все же вряд ли удастся «опровергнуть» доводы главы Советского правительства, даже в его отсутствие. Года два-три тому назад было совсем иначе! Тогда об этом не нужно было и задумываться — достаточно было дать команду послушному большинству в Организации Объединенных Наций. Сейчас, увы, в ООН появилось «много неискушенных стран-членов» (это о добившихся независимости государствах), «которые будут слушать Хрущева», сетует американская печать...

Американские правящие круги учитывают, что появление Н. С. Хрущева в Нью-Йорке совпадает с развертыванием избирательной кампании в США. «Доверенные лица» обоих кандидатов в президенты, Никсона и Кеннеди, видят главное достоинство каждого из своих боссов в том, что тот лучше другого умеет «разговаривать с Россией». Избирателей, естественно, интересует вопрос: как сможет разговаривать их кандидат с советским премьером? Все тот же гамлетовский вопрос мучает и Никсона, и Кеннеди: встречаться с Хрущевым или не встречаться?

Довольно едкий совет претендентам дала газета «Сан»: «Одна из важных проблем в этой кампании (избирательной. — Лит.) заключается в том, кто из двух кандидатов лучше подготовлен, чтобы подняться и поговорить с Хрущевым... Правда, здесь возникает одна трудность. За последнее время голос сенатора Кеннеди не в порядке, а у г-на Никсона не в порядке колено. Как заметил кто-то, один из них не может говорить, а другой не может стоять. Может быть, лучше всего устроить так, чтобы они встретились с г-ном Хрущевым вместе, причем один из них будет стоять, а другой будет говорить»...

Весь гигантский административный аппарат США, от президента до клерка, сейчас мучительно ищет: как, «не теряя достоинства», выпутаться из того отчаянного положения, в которое завлекла Америку авантюристическая политика правительства?

И вот, наконец, кто-то (кто — неизвестно, но это наверняка из ведомства Даллеса) нашел «блестящий» выход: надо заставить советского премьера отказаться от поездки на Ассамблею. Сразу же ряд американских газет занялся деятельностью, которая в цивилизованных странах обычно наказуется в уголовном порядке как подстрекательство. «Нью-Йорк геральд трибюн» «не сомневается», что на улицах города состоятся демонстрации выходцев из «порабощенных» стран, а чтобы подогреть чувства эмигрантских подонков, она напоминает им с крокодиловыми слезами на глазах об «убийствах в Венгрии» и «тирании в Эстонии». Газеты приводят погромные заявления «антикоммунистических организаций», а некоторые конгрессмены, вроде демократа Романа Пучинского, прямо призывают организовать в день приезда Н. С. Хрущева в Нью-Йорк антисоветские демонстрации. Агентство Ассошиэйтед Пресс лицемерно сокрушается, будто приезд Хрущева «создаст серьезную проблему обеспечения его безопасности».

Недостойные, подлые приемы! Они разоблачают страх и неуверенность американской реакции.

Правительство США «не теряет мужества»? Что-то непохоже'

ЛИТЕРАТОР

Советский характер

ОБЪЯВЛЯЕМ КОНКУРС

НА ЛУЧШИЙ ОЧЕРК О СОВРЕМЕННИКЕ

Среди ежедневной читательской почты «Литературной газеты» есть письма — и их становится все больше и больше, — адресованные авторам и героям материалов, публикуемых газетой под рубрикой «Советский характер».

Советский характер... Это и «железный прораб», герой одноименного очерка Ю. Жукова, человек удивительного мужества и душевной силы, строитель и созидатель «по душе», по призванию. Это и инженер из Ульяновска, герой очерка С. Глуховского «Быль о зеленом «козлике», поразивший зарубежных наблюдателей не только знанием своего дела, бесстрашием и железной волей к победе, но благородством, душевной красотой. Это и талантливый, самоотверженный ученый-энтузиаст, для которого нет ничего выше интересов науки, служащей народу,—скромный и бескорыстный Иван Иванович из очерка А. Аграновского «Вашу руку, Иван Иванович!». Это и рабочий-строитель Братской ГЭС, парень с «золотыми» руками и «золотым» сердцем, человек неистребимого жизнелюбия и мужества, умеющий, кажется, побеждать саму смерть, — герой документальной повести А. Приставкина «Три жизни».

Все это люди с разными биографиями, разных профессий, разного возраста, но все они—наши современники, живущие полной, богатой жизнью в самой гуще борьбы советского народа за коммунизм. Это люди советского характера. Понятен поэтому интерес читателей к очеркам о наших современниках, несущих в жизнь, по образному слову Горького, «мудрую силу строителя».

Редакция «Литературной газеты» будет продолжать публикацию лучших материалов, ярко и интересно рассказывающих о наших современниках, об их замечательных делах. С этой целью «Литературная газета» объявляет

КОНКУРС
на лучший очерк — литературный портрет нашего современника.

В очерке должны быть раскрыты черты характера советского человека — строителя коммунизма, его духовный облик, показан его вдохновенный творческий труд.

Конкурс открытый. В состав жюри входят известные писатели-очеркисты.

ЗА ЛУЧШИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ УСТАНОВЛЕНЫ ПРЕМИИ:

одна ПЕРВАЯ — десять тысяч рублей
две ВТОРЫХ — по пять тысяч рублей
три ТРЕТЬИХ — по три тысячи рублей.

Конкурс продлится до 1 января 1961 года.

Рукописи, объемом не более 15 обычных машинописных страниц, присылать в редакцию «Литературной газеты» с надписью: «На конкурс».

ЗАКРЫТИЕ ДЕКАДЫ

В театрах и концертных залах Москвы закончились выступления участников Декады осетинского искусства и литературы. На декадных спектаклях, концертах, литературных вечерах, прошедших с большим успехом, побывало свыше ста тысяч москвичей и гостей столицы.

В Театре имени А. С. Пушкина состоялось закрытие литературной части декады. Вечер открыл С. Чшпачев. После вступительного слова Г. Кайтукова выступили осетинские поэты, переводчики, артисты. В минувшее воскресенье в Колонном зале Дома союзов был проведен детский утренник: пионеры и школьники Москвы встретились с самыми юными участниками декады, своими сверстниками из Северной Осетии. Бурными аплодисментами сопровождался концерт ансамбля песни и танца Дворца пионеров и учащихся музыкальной школы столицы Северной Осетии. В детском утреннике приняли участие литераторы Д. Мамсуров, Т. Джатиев, Г. Кайтуков, Х. Плиев, Д. Дарчиев, С. Бритаев, А. Мусатов, М. Максимов.

Сегодня днем в Союзе писателей РСФСР члены секретариата правления совместно с писателями Северной Осетии подведут итоги литературной части декады. Вечером в Кремлевском театре состоится заключительный концерт Декады искусства и литературы Северной Осетии, в котором выступят лучшие солисты, профессиональные и самодеятельные творческие коллективы республики гор.

Перед матч-реваншем на первенство мира по шахматам

Чемпион мира гроссмейстер Михаил Таль отвечает на вопросы «Литературной газеты»

На днях экс-чемпион мира М. Ботвинник сообщил Шахматной федерации СССР, что он вызывает на матч-реванш чемпиона мира М. Таля. Редакция «Литературной газеты» обратилась в связи с этим к гроссмейстеру Михаилу Талю с просьбой ответить на некоторые вопросы.

— Как вы относитесь к вызову гроссмейстера Михаила Ботвинника?

— Я очень рад возможности вновь встретиться с Михаилом Моисеевичем Ботвинником. Вне зависимости от результатов предстоящего матч-реванша я уверен, что получу от него большое шахматное удовольствие.

— Как вы оцениваете шансы своего противника в предстоящем соревновании?

— За прошедшие после матча месяцы мое отношение к гроссмейстеру Ботвиннику ничуть не изменилось. Могу лишь повторить то, что говорил до первой встречи и после нее.

— Какие наиболее важные события, с вашей точки зрения, произошли в последнее время в шахматной жизни?

— Наиболее серьезным событием, по моему мнению, является неудача советских студентов в мировом первенстве, состоявшемся в Ленинграде. Это тревожный симптом. Создается впечатление, что блестящие достижения советских шахматистов несколько избаловали наших педагогов, которые, видимо, ослабили работу с молодежью.

— Хочется отметить и некоторые приятные события,— продолжал гроссмейстер Михаил Таль.— Участвуя в международных соревнованиях в Буэнос-Айресе, отличавшихся сильным составом, чемпион Советского Союза по шахматам В. Корчной сумел преодолеть последствия неудачного старта и разделить первое и второе места. Последующие выступления В. Корчного и М. Тайманова в Южной Америке также ознаменовались новыми достижениями. Матч советских шахматистов с командой ФРГ закончился с большим счетом (51 : 13). Значительного успеха на турнире в Болгарии добился новосибирский мастер Н. Крогиус, став одним из двух победителей турнира.

— Кто из лучших шахматистов мира имеет наибольшие шансы пройти весь путь до очередного матча на первенство мира в 1963 году?

— Об этом еще рано думать...

— Почему?

— Потому что, как чемпион мира, я не могу об этом говорить, пока не сыгран матч-реванш... А как любитель-шахматист я знаю, что имеется слишком много претендентов и слишком мало вакантных мест.

— И все же, у кого наибольшие шансы?

— Наибольшие шансы, по-моему, имеют те советские шахматисты, которые выйдут победителями финала очередного первенства СССР. Из числа иностранных гроссмейстеров, как и прежде, я считаю наиболее опасным югославского гроссмейстера С. Глигорича. Не скрою также, что известной неожиданностью для меня явился блестящий результат американского гроссмейстера С. Решевского в Буэнос-Айресе, где он вместе с В. Корчным разделил первое и второе места. Это между прочим свидетельствует и о том, что проблема «шахматиста № 1» в США пока не решена.

ВЕКА, ГОДЫ, ДНИ, МЕДАЛИ...

Репортаж с XVII Олимпийских

ВОСКРЕСЕНЬЕ, когда Олимпиада отдыхала, мы видели в Риме необыкновенный красочный своеобразный праздник, так называемую кинтану, то есть рыцарский традиционный турнир в духе XVII века. По широким аллеям Виа Форо Империали под мерный бой старинных красно-синих и желто-зеленых барабанов, под трубы герольдов добрых полчаса двигалось удивительное шествие.

Плыли яркие знамена, пестрые гербы. Их несли красивые люди, облаченные в средневековые фиолетовые, оранжевые, голубые, пурпурные костюмы, камзолы из бархата, атласа и меха, в цветных полосатых чулках. Шагала стража в доспехах, с беретами и шлемами, над которыми колыхались султаны из цветных перьев. Ехали рыцари на конях, вышагивали с копьями и цветами оруженосцы. И за каждым гербом двигалась медленно, в окружении пажей, несших ее шлейф, статуя — красавица в парчовом платье, «прекрасная дама» рыцаря, во славу которой он через полчаса, к восторгу тысяч зрителей, на всем скаку пронзал копьем специальную мишень — чучело, символизирующее войну.

Но не только с тенями древних времен встречаешься на римских улицах. Немало напоминаний о временах, совсем недавних.

В Колизее на одной из полуобрушившихся галерей, над изъязвленными временем глыбами стоит продавец, один из многочисленных продавцов, торгующих значками, открытками, поддельными камеями и прочими сувенирами, на которые так падки туристы, обмирающие от возможности потрогать руками то, что кануло в бездну тысячелетий. Но случайно я обратил внимание на руку продавца, протягивавшего мне какую-то безделицу, якобы повесницу самого Колизея. На руке, просительно протянутой ко мне, я увидел вытравленный синими цифрами выше запястья пятизначный номер и клеймо, знакомое каждому, кто интересовался страшными материалами фашистских лагерей смерти.

— Аусвиц, — пояснил мне он, и что-то вроде короткого тика передернуло его загорелое до синевы, обугленное солнцем худое лицо. — Аусвиц. Отец и мать. И трое моих маленьких... Они имели менее счастливый номер, чем у меня. Они все ушли туда, в крематорий. Вы русские... Если бы вы пришли чуточку раньше, может быть, все мои остались бы живы. И отец и мать. И трое маленьких. Но раньше вам было нельзя. Вам тоже было тяжело. Я знаю...

Вокруг, гулко отдаваясь в галереях Колизея, звучала вперемежку немецкая, английская, французская, испанская, чешская речь. Туристы и спортсмены с олимпийскими гербами своих команд фотографировали знаменитый Амфитеатр и сами снимались все вместе на его нагретых камнях — немцы, американцы, французы, чехи, юноши с Антильских островов, цейлонцы...

А мой собеседник, поглаживая руку с клеймом лагеря смерти, глядел на них с затаенным и печальным вниманием.

— Хорошо, что все вместе. Правда, хорошо? Им весело. Это тоже хорошо. Но забывать не надо. Никому не надо забывать. Нельзя забывать. Нет.

Нет, забывать не надо. Забывать нельзя.

И недаром с киноафиш смотрит на олимпийский Рим Гитлер с его остекленевшими глазами утопленника из-под прилипшей ко лбу косой пряди. Это в римских кино идет документальный фильм «Кровавый диктатор» — о кошмарах немецкого фашизма.

Все это, впрочем, не мешает оставлять в городе памятки совсем другого духа. Перед самым выходом на олимпийский стадион «Форо Италико» высится белый обелиск, на котором, как ни в чем не бывало, красуется огромная вертикальная надпись: «Муссолини».

Дня три назад в газете «Унита» Фаусто Гулло выступил со статьей, в которой он полемизирует с известным писателем-историком Луиджи Сальваторелли. Маститый историк тоже счел нужным высказаться по поводу Олимпийских игр на страницах «Ла стампа». Судя по всему, он взирает на эти игры со снисходительным и меланхолическим одобрением, отмечая хороший их замысел, но не веря в их реальную пользу. Трудно объединить сознание при узости воззрений, — пишет он. Затем утверждает, что единственная опасность войны заключается ныне лишь в Кубе и Конго... Отвечая Сальваторелли, Фаусто Гулло справедливо замечает, что уважаемый историк не хочет, видно, считаться с естественным стремлением народов к национальной независимости и, должно быть, уважаемый историк забыл, чему только что учила сама история. Он почему-то не замечает реваншистских устремлений Бонна, не хочет знать о пангерманизме, который посягает и на некоторые итальянские территории, например, на часть итальянского Тироля. Не говорит ли все это о том, что прямая опасность для мира кроется далеко от Кубы и Конго и не они должны возбуждать тревогу в сердце тех, кто искренне печется о сохранении мира на земле?

Фаусто Гулло тысячу раз прав. Не следует никому умалять чудесное обнадеживающее влияние на общественное сознание всех народов всемирного спортивного форума, на котором мы сейчас присутствуем в Риме. Он, разумеется, не устраняет все опасности, но сближает народы и утешает в какой-то мере тревоги, рождая прочные надежды.

Все это ясно. И все же нет-нет, да кто-нибудь из тех, кому, видно, глоток «холодной войны» столь же необходим, как стакан кока-кола в жару, возьмет да и брызнет чернилами на белоснежное олимпийское знамя, реющее над Римом.

«Обсервер», чтобы как-нибудь скомпрометировать быт олимпийской деревни, в которой так дружно живут спортсмены всех стран, придирчиво выискивает всякие мелкие недостатки в организации жилья. Нашелся и у «Дейли мейл» обозреватель Бухвальд, который не постеснялся написать, что олимпийская деревня — это ...атлетический концентрационный лагерь.

Сходил бы господин Бухвальд хотя бы в Колизей да побеседовал с моим знакомым продавцом сувениров. Вряд ли бы у него повернулся язык сказать такое!..

Есть у таких обозревателей единомышленники и в Риме. «Иль темпо» размусоливает на своих страницах такие грязные и непристойные сплетни об обитателях олимпийской деревни, что не только приводить их публично в печати, но и читать про себя противно и совестно. Но даже такая газета вынуждена отметить, что все это не касается итальянских и русских спортсменов. И за то, как говорится, спасибо. Впрочем, надо учитывать, что задеть сегодня в Риме советских спортсменов — дело явно невыгодное. Популярности на этом не заработаешь. Слишком уж большие и прочные симпатии завоевали они и своими выступлениями, и всем своим поведением. К ним запросто подходят на улицах. Их приглашают наперебой рабочие районы и пригороды Рима. И как тепла и радушны эти встречи!

Иногда, правда редко, послышится вдруг на общем благозвучном фоне странный пшик, которым еще кто-то пытается замутить чистую атмосферу Олимпиады.

Вот недавно некоторые римские газеты выражали недовольство по поводу того, что наша спортивная делегация раздавала всем желающим иллюстрированный красочный проспект о советском

(Окончание на 3-й стр.)

У ИСТОКОВ БУДУЩИХ КНИГ

Беседы о семилетке в журнале «Дружба народов»

—Благодарю вас за участие в беседе. Хочется думать, что она была плодотворной и, может быть, полезной для читателей журнала «Дружба народов».

Этими словами Шарафа Рашидова закончилась его беседа с группой узбекских писателей, только что вернувшихся из поездки по республике. Беседа «Люди и хлопок», которой открывается восьмая книжка журнала «Дружба народов», не только плодотворна и полезна, но, что немаловажно, она интересна и увлекательна. Это живой, непринужденный разговор писателей Вахида Захидова, Абдуллы Каххара, Ибрагима Рахима, Иззата Султанова, Михаила Шевердина с первым секретарем ЦК КП Узбекистана Шарафом Рашидовым и секретарем ЦК КП Узбекистана Зухрой Рахимбабаевой. Разговор о семилетке, о будущем республики.

В ходе беседы приводится немало данных семилетнего плана. Но это не «сухие», не отвлеченные цифры. Известно, скажем, что природный газ Бухары станет основным видом топлива не только в Узбекистане, но и в других районах Средней Азии и даже Урала. Но мало кто знает, что по совету Никиты Сергеевича Хрущева на главной газовой магистрали делаются ответвления и создаются огромные теплицы для выращивания свежих овощей и субтропических культур в зимнее время, что в небольшом кишлаке Ферганской долины, где недавно побывал Ш. Рашидов, в каждом доме есть уже газовая плитка, преобразившая быт узбекской семьи...

Люди, их вдохновенный созидательный труд, их думы и заботы — вот что особенно волнует участников беседы, заставляет их вспоминать все новые примеры, называть имена передовиков и новаторов. И поскольку имена эти хорошо знакомы и руководителям республики, и писателям, разговор становится общим.

Шараф Рашидов рассказывает о замечательных хлопкоуборочных машинах.

— Машины прекрасные, — соглашается Ибрагим Рахим, — но наши люди все еще *ими недовольны*...

И в пояснение писатель приводит слова своего старого знакомого механика Икрама Ибрагимова, «вечно недовольного человека»: «Мы имеем отдельный трактор для пахоты, отдельный для обработки, даже для уборки, транспортировки и корчевания гуза-пая (стеблей хлопчатника). Каждая из этих машин работает в год полтора-два месяца, а остальное время простаивает».

— Он совершенно прав, — подтверждает Ш. Рашидов... — Действительно, нужна *такая* машина, чтобы работала, как автомобиль, — круглый год.

Из дальнейшей беседы выясняется, что И. Рахим давно написал очерк об Икраме Ибрагимове, но никак не может его напечатать. «...Приду в редакцию, а мне говорят: «Он теперь работает не на тракторе, а на хлопкоуборочной машине». Снова еду к нему. Узнаю самые последние новости, возвращаюсь назад, и тут выясняется, что в колхоз пришла новая двухрядная хлопкоуборочная машина и мой герой вместе с конструкторами что-то там переделал». Четыре раза переписывал свой очерк И. Рахим!

— Да, порой мы не поспеваем за делами наших героев, — замечает Ш. Рашидов. — И не мудрено, жизнь Узбекистана, как и жизнь всей страны, движется грандиозными темпами.

Участники встречи беседуют об индустрии и сельском хозяйстве, о науке и строительстве, о культуре и о борьбе с пережитками. Но о чем бы ни зашел разговор, писатели принимают в нем активное, заинтересованное участие, говорят аргументированно, со знанием дела. У Ш. Рашидова есть все основания заявить: «Писатели Узбекистана хорошо понимают... что в самой гуще народной жизни должны они черпать свое вдохновение».

Беседа «Люди и хлопок» напечатана под рубрикой «Беседы о семилетке». Эта рубрика впервые появилась в майской книжке журнала и с тех пор прочно закрепилась на его страницах. Открылся новый раздел беседой первого секретаря ЦК Коммунистической партии Молдавии З. Т. Сердюка с писателем Петром Вершигорой. Цели и задачи «Бесед о семилетке» достаточно четко сформулированы П. Вершигорой:

— Редакция «Дружбы народов» намерена широко и систематически знакомить читателей журнала с реализацией семилетнего плана по республикам как в целом, так и по отдельным, наиболее интересным проблемам. Это будут беседы писателей с партийными и государственными деятелями республик, с учеными, хозяйственниками, рабочими и колхозниками, новаторами промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры.

Огромные перемены произойдут за семилетку в Молдавии, которая, по словам Никиты Сергеевича Хрущева, «должна держать курс в одном направлении — стать садом Советского Союза».

— В нашей республике не плавят чугуна и стали, не добывают угля, не производят ракет, — говорит З. Т. Сердюк. — А вот орех, которым славится наша республика, может быть, пригодится даже в межпланетных путешествиях...

И, видимо, заметив недоверие собеседника, З. Т. Сердюк ссылается на Циолковского, считавшего грецкий орех самым лучшим продуктом питания, который захватят с собой космонавты, и на Мичурина, *назвавшего орех хлебом будущего.*

В той же майской книжке журнала была напечатана беседа президента Академии наук Армении В. А. Амбарцумяна с писателем Олегом Писаржевским. В последующих номерах появились беседы председателя Совета Министров Белорусской ССР Т. Я. Киселева с Михасем Калачинским, первого секретаря ЦК Компартии Литвы А. Ю. Снечкуса с А. Беляускасом, первого секретаря ЦК Компартии Латвии А. Я. Пельше с В. Берце, первого секретаря ЦК Компартии Эстонии И. Г. Кэбина с А. Сааром, знатной мордовской свекловодки Героя Социалистического Труда П. В. Елизаровой с Иваном Антоновым.

Не все перечисленные беседы читаются с одинаковым интересом. Иные из них перегружены знакомыми читателям цифрами семилетнего плана, местами изложены сухим, «газетным» языком. В подаче отлично задуманных «Бесед о семилетке» стал намечаться некий шаблон. Хочется пожелать редакции журнала больше разнообразия, поисков, хорошей выдумки: каждая новая беседа должна отличаться от предыдущих, охватывать иной круг вопросов. В этом смысле самой удачной представляется нам беседа, с которой мы начали свой обзор.

Ю. ДАШЕВСКИЙ

ЗАПАДНАЯ ВИРДЖИНИЯ— ГОРОД СКОПИН

ДВА РАССКАЗА О ТОМ, КАК ЗАКРЫВАЮТСЯ ШАХТЫ

Признаюсь: в Скопин я ехал с грустью и настороженностью. В Скопине я долго жил и перед самой войной окончил техникум. В этом городке мне знаком каждый булыжник на его древней мостовой. И, конечно же, я был патриотом скопинской индустрии, которую представляли угольные шахты, подступившие со всех сторон к городу.

И вот уже знакомая платформа вокзала. Улица Ленина. Я медленно иду по городу. Не зря прошли для него последние годы: вместо булыжных мостовых—асфальт; всюду зелень; по улицам курсируют автобусы, такие же комфортабельные, как и в столице. И самое главное—город в лесах новостроек.

А, может быть, это только слухи, что закрываются шахты?

Нет, оказывается, не слухи. Секретарь Скопинского райкома партии Ф. Пономарев рассказывает мне, что уже закрылось несколько шахт; в их числе старейшая шахта района — сорок девятая.

— Побединская?!

— Да.

Дороги в этих местах хорошие. Не прошло и получаса, как я был уже в старинном горняцком поселке. Вот и бывшая шахта. Ее узнаешь издали, по террикону. На окраине поселка высится огромный серый конус. Он не дымится, как на действующих шахтах. Все мертво. Шахта закрыта.

Шахта закрывается... Явление для Подмосковья закономерное и неотвратимое. На смену старым энергетическим ресурсам приходят новые, более выгодные; жидкое топливо, газ, атомная энергия. С ними-то уж во всяком случае не могут конкурировать подмосковные низкокачественные угли.

В США свертывание угольной промышленности идет не первый год. Недавно мне попало в руки несколько номеров американской газеты «Нью-Йорк пост» со статьями Ферн Марджи. Американская корреспондентка подробно описывает тяжелое в связи с этим положение шахтеров.

В одном из основных центров угольной промышленности США—штате Западная Вирджиния в 1951 году работало в шахте почти 120 тысяч человек; в 1955 году — уже 70 тысяч, а в прошлом году — 56 тысяч.

Такое положение характерно и для многих других районов угольной промышленности США. Шахты закрываются. Сотни, тысячи людей остаются без работы.

Ферн Марджа рисует страшную картину нищеты в ряде городков и шахтерских поселков Западной Вирджинии. Беглые зарисовки встреч и бесед с безработными шахтерами нельзя читать без содрогания. «11 апреля 1958 года, — рассказывает шахтер Джеймс Смит из Пини-Вью, — меня уволили после 11 лет работы в шахтах. Моя жена работает чернорабочей по 9 часов в день, получая за день 2 доллара. У нас трое детей». А вот другой безработный — Клаури Стоувер. Он не работает уже больше года. «Мы ходим в отрепьях, — говорит Стоувер, — мы обнищали, мы голодаем».

У нас, конечно, не могло случиться ничего похожего. Но все же, как устроились шахтеры закрытой шахты?

Иду на машиностроительный завод.

Исполняющий обязанности главного инженера Иннокентий Яковлевич Иваненко, узнав, что меня интересует, недоуменно отвечает:

— А какая же у них может быть судьба?.. Хорошая судьба! К нам на завод пришли сто бывших шахтеров. А пришло бы больше, и тех бы взяли. Не беспокойтесь, шахтеров у нас не обидят. Всем им сохранили льготы за выслугу лет, за непрерывную работу. Шахтные слесари и токари сразу встали к станкам. Труднее было с навалоотбойщиками. В шахте они зарабатывали очень хорошо. А что делать им на заводе? Не поставишь же чернорабочими! Пришлось с людьми поработать—с каждым в отдельности. Мы создали курсы, на которых обучали шахтеров токарному делу, литейному производству, электросварочной технике. И теперь немало бывших навалоотбойщиков работает на самых сложных станках.

Я попросил Иннокентия Яковлевича подробно рассказать о новых рабочих—бывших шахтерах: довольны ли они своим новым положением?

— А, может, лучше к ним пойдем, пусть сами вам ответят...

Так мы оказались в цехе № 7. Это новый, недавно построенный цех. Здесь работает молодежь, выпускники школ и бывшие шахтеры. В дни подготовки к июльскому Пленуму ЦК КПСС молодые рабочие вступили в соревнование за звание цеха коммунистического труда.

После окончания смены начальник цеха Вадим Михайлович Рочев, такой же молодой, как и большинство его рабочих, собрал у себя всех бывших шахтеров.

В просторный кабинет пришли рабочие Степан Стенев, Александра Уколова, Василий Ерошин и другие.

— На шахте,— рассказывал бывший дренажник Степан Стенев,— работа была нелегкая, все время по колено в воде. Но заработок был хороший. И время свободное оставалось. Учился в вечерней школе. Но вот приходим однажды—в апреле это было—на наряд, и нам объявляют: шахта закрывается, а вы все переводитесь на новую работу... Пришли сюда, на завод. Цех новый. Понравилось. Стали мы учиться. Я попросился на агрегатный расточной станок. Старый наладчик Иван Степанович Казаков выучил меня. Два месяца уже самостоятельно работаю. Зарабатываю больше, чем в шахте.

Довольна новым своим положением и Александра Уколова—молодая, с энергичным лицом женщина.

— На шахте,— говорит она,— я работала на лесном складе; зарабатывала от силы семьсот рублей в месяц. А тут, на заводе, стала сверловщицей. Хватать вроде и неудобно, но меньше тысячи я еще ни разу не получала.

Василий Ерошин еще недавно откатывал вагонетки с углем и породой. Теперь он слесарь. И так каждый, с кем мне пришлось разговаривать. Ни тени обиды. Ни слова о нужде и неуверенности в завтрашнем дне!

Ничего схожего с тем, о чем писала Ферн Марджа в «Нью-Йорк пост» в своих корреспонденциях из штата Западная Вирджиния!

По-иному и быть не могло.

Вновь и вновь сказался гуманизм социалистического строя, общества, для которого нет ничего выше и дороже рабочего человека. Государство пришло на помощь шахтерам широко, с большим размахом.

Принято решение о переводе из Москвы в Скопин ряда предприятий машиностроения: завода холодильного оборудования, запасных частей и др. Маленький шахтерский город в ближайшие годы станет крупным центром машиностроительной промышленности.

Нет, Скопин и ближайшие к нему шахтные поселки — не город-тень, не город-призрак, какими встают перед нами американские шахтерские городки в описании «Нью-Йорк пост».

С. КРУТИЛИН,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

СКОПИН
Рязанской обл.

Из блокнота репортёра

РАДИОТЕЛЕСКОП ПРОНИКАЕТ В КОСМОС

В печати уже сообщалось о замечательном открытии советских ученых — радиоастрономов Пулковской обсерватории, сумевших пробиться сквозь плотную завесу космической пыли и оледенелого газа к центру нашей Галактики и исследовать природу и строение ее ядра. Это открытие было совершено при помощи крупнейшего в мире радиотелескопа, работающего на сантиметровых волнах и сконструированного профессором С. Хайкиным и кандидатом физико-математических наук Н. Кайдановским. Первым из советских ученых, кому удалось «прикоснуться» радиолучом к центральному ядру Галактики, был молодой астроном Ю. Парийский.

Сейчас радиоастрономы Пулкова продолжают свои исследования.

Что же нового обнаружил всепроникающий луч большого пулковского радиотелескопа в глубине космоса?

Наш корреспондент побывал в Пулковской обсерватории и беседовал с руководителем отдела радиоастрономии профессором С. Хайкиным и Ю. Парийским.

— Мы предполагаем начать исследование планет,— сказали ученые. — Развертывается работа по изучению радиоизлучения Луны. Исследуется солнечное радиоизлучение, в частности те кратковременные, но чрезвычайно мощные «всплески» излучений, которые периодически наблюдаются на Солнце.

— А ядро нашей Галактики вы продолжаете исследовать? — спросил я.

— Разумеется, изучение центра Галактики продолжается... Очень много дает нам сопоставление полученных данных с результатами других ученых. Так, например, сравнение наших результатов с наблюдениями Дрейка в Национальной радиоастрономической обсерватории США показало, что вокруг ядра Галактики расположен пояс ионизированного водорода, по-видимому, подобный тому, что обнаружен недавно оптическим способом в ближайшей к нам Галактике — в Большой туманности Андромеды. Радионаблюдения физических условий, существующих в галактическом центре, привели нас к заключению, что находящийся там источник мощного радиоизлучения не мог существовать на протяжении всей жизни нашей Галактики. Очевидно, в ядрах галактик эпизодически происходят какие-то, пока еще неизвестные нам процессы, которые приводят к резкому, но кратковременному увеличению интенсивности радиоизлучения ядра.

Как известно, космическое радиоизлучение беспрепятственно проходит не только сквозь атмосферу Земли (даже в пасмурную погоду), но проникает и сквозь плотные облака космической пыли, которые стелются вдоль плоскости Млечного Пути.

Это его чудесное свойство и дало возможность радиоастрономам «заглянуть» в центо нашей Галактики. Оно же позволило обнаружить и исследовать такие районы Галактики, которые навсегда останутся скрытыми для оптической астрономии. Так, в одной из самых темных областей Млечного Пути удалось обнаружить остаток сверхновой звезды II типа — последствия грандиознейшего (даже по космическим масштабам!) взрыва, происшедшего несколько десятков тысяч лет назад и превратившего значительную часть массы всей звезды в энергию.

Радионаблюдения большой туманности Ориона позволили определить температуру внутри туманности и плотность ионизированного газа. А сопоставление радио- и оптических данных привело к заключению, что эта туманность состоит из отдельных очень плотных газовых облаков, между которыми ионизированный газ практически отсутствует. Природа этих уплотнений пока остается неизвестной.

В конце нашей беседы возник еще один, на этот раз вполне земной вопрос.

Я спросил, как технически оснащены радиоастрономы, как обстоит дело с новой аппаратурой.

Методы радионаблюдений настолько быстро совершенствуются, что техника «не успевает» за ними, морально устаревает и отстает. А ее совершенствовать, по сути дела, негде.

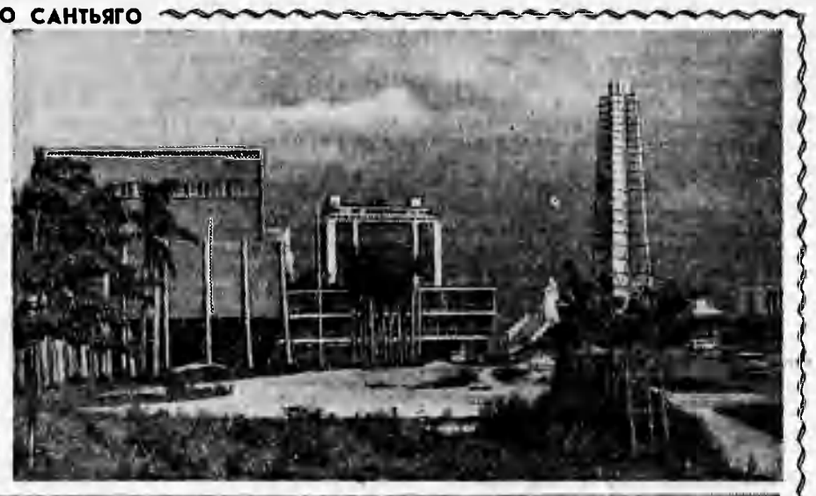
— Мы находимся, — заметил С. Хайкин, — примерно в том же положении, в каком находились астрономы во времена Галилея: все делаем сами, своими руками...

Не настало ли время подумать о создании при одном из крупных наших астрономических учреждений главной производственно-технической базы с достаточно мощными конструкторскими бюро, лабораториями и мастерскими. Они могли бы обеспечивать быстро растущую потребность в новой технике всех радиоастрономических центров нашей страны.

Советская радиоастрономия вышла на широкую дорогу большой науки. Ей нужна и соответствующая техническая база!

А. ПОЛОВНИКОВ

ОТ ГАВАНЫ ДО САНТЬЯГО

2. *Площадь Хосе Марти. Ее называют также Гражданской площадью. Здесь находятся четырнадцатиэтажное здание ИНРА—Национального института аграрной реформы, помещение Национального театра, редакция газеты «Революсьон»... Справа—памятник великому кубинскому поэту, именем которого названа площадь, и монументальная башня, воздвигнутая в его честь.*

3. *Малекон—знаменитая набережная в Гаване, опоясывающая чуть ли не полгорода. Она особенно красива по вечерам, когда в домах зажигаются огни и распахиваются настежь двери. Освещенные изнутри комнаты похожи на китайские фонарики... А рыболовы-любители прямо с набережной закидывают свои удочки и спиннинги. Им можно только позавидовать—рыба клюет превосходно.*

Сергей САРТАКОВ

Камета ГАЛЛЕЯ

С. Сартаков закончил работу над повестью «Не отдавай королеву». Она рассказывает о вере в человека, о борьбе за возвышение нравственных начал в человеке. В числе главных героев нового произведения С. Сартакова — сибирские речники Костя Барбин и жена его Маша, уже знакомые читателям по повести «Горный ветер».

Повесть будет опубликована в журнале «Октябрь». Мы печатаем отрывок из нее.

Плавать по Енисею я привык на пассажирских теплоходах, которые режут его со скоростью двадцать пять километров в час. Наша баржа тянулась не знаю с какой скоростью, но Маша сказала шутя: «Костя, ты утречком разбуди меня, когда мы под железнодорожным мостом проплывать будем». Хотя мост виден был прямо от пристани, однако в ее словах звучала и правда: дай бог, если мы только лишь к самой ночи притащимся на известковый завод.

Но я готов был плыть туда хоть целую неделю, до того хорошо было на реке. Стояли самые длинные летние дни, дул попутный ветерок, приятно холодил спину, а когда вдруг спадал совершенно — горячий, скипидарный дух от баржи окутывал тебя, словно мягкое облачко. Люблю этот запах снасти и дерева, пропитанного черной кипящей смолой!

Красноярск — город шумный. Но когда выходишь вот так на барже на самую середину реки, он словно немеет. Видно, как по улицам бегут автобусы, грузовики, у пристани кивают длинными стрелами подъемные краны, дальше, на перевалочной базе, работают бревнотаски, подхватывая лес из реки железными цепями, — и все без звука. Будто на весь мир опустилась удивительная тишина. И только стучит мотор на буксирном катере, бурлят винты, выбрасывая за кормой зеленоватую волну; и масляно трется вода о крутую обшивку баржи, чуть-чуть журча и похлюпывая; и вполголоса поет Маша: «Енисей, Енисей, брат полярных морей...»

Плотник не построит дома, сапожник не сошьет ботинок, художник не нарисует картины, словом, никакой мастер не сделает вещи, если еще в работе не посмотрит на нее со стороны. На Красноярск, город—тому, кто в нем живет, кто строит его или делает в нем что-то другое, но для него же — обязательно надо по временам смотреть со стороны. Хотя бы с самолета, с Афонтовой горы или так вот, с Енисея. Только тогда по-настоящему и поймешь, какой это превосходный город, какой он красивый и могучий и как растет он и все хорошеет день ото дня.

Куда ни погляди — труд человека. И для человека. Если бы Красноярск, такой, как он есть, построили муравьи, — я не назвал бы его красивым. Если бы руки мои ворочали камни, но из этих камней не сложилось бы ничего для человека полезного, — я не назвал бы это работой.

Катер тянул на буксире нашу баржу, мы с Машей стояли, взявшись за руки и вглядываясь в дымчатую даль реки, мы ехали отдыхать. Алешка тоже отдыхал на пеньковой бухте, никто из нас вот здесь, на самой барже, не шевелил даже пальцем, а я все равно был и окружен и наполнен работой. Каким-то таким чувством: бегут по набережной грузовики — не без меня; цепочкой плывут по реке в молепроводе бревна — не без меня; рванули в каменном карьере гору и тупым эхом отозвался удар — не без меня. Все, что происходит кругом, — не без меня. Все — и мое дело. И все — будто делается для меня.

Я давно не плавал по Енисею и сейчас готов был плыть сколько угодно. Даже прыгнуть с баржи и начать отмахивать «саженками» до самой Шумихи. Против течения! Вдохнуть, заглотнуть в себя весь этот пахнущий медом и смолой речной воздух, только не разорвалась бы грудь. Подпрыгнуть, чтобы тебя подхватило тугим, теплым ветром, вытянуться и полететь. Вы когда-нибудь во сне летали над землей? Я летал. И это очень просто. Надо только стремиться сильно всем телом вперед и вперед, все время забирая чуточку выше. И можно летать хоть всю ночь. Днем это не получается. Но в этот раз могло получиться, если бы Маша то и дело не дергала меня за руку: «Костя, куда ты тянешься? Свалишься в воду с баржи!»

Енисей для меня не может быть скукой. Его разговор можно слушать, не отрываясь, сколько угодно. Он не просто течет, он все время работает, красиво и сильно; несет на себе пароходы, баржи, бревна, по дну катит звонкую гальку; глиной, песком забивает, заделывает трещины дна, чтобы вода не ушла в землю, чтобы побольше донести ее в океан. Пока — для солнца, которому вода потребна на изготовление облаков. Енисей с солнцем и ветром давно работает заодно. Когда человек поставит огромнейшую плотину в Шумихе, Енисей станет больше работать заодно с человеком. Носить на себе только пароходы, бревна и баржи — легкий труд. А вот поворочать турбины — будет труднее. Ничего, справится богатырь!

Мы проплыли и под мостом, по которому как раз проходил поезд «Москва — Пекин». И мимо мелькомбината, где белые элеваторы, глухие и высоченные, стояли для меня постоянными загадками: как они устроены там внутри? И мимо лесоперевалочной базы, где бревен — и на берегу, в крутых штабелях, и на воде — грудилось столько, что можно было бы из них построить, наверно, еще два Красноярска. И мимо высокой скалы, о которой старожилы спорят, как ее правильнее называть: Шалунин бык или Шелонин бык. Проплыли и мимо дома отдыха, и мимо Собакиной речки, где на полянах по-субботнему уже вовсю толпился народ с баянами и песнями. А Маша стояла и показывала: «Костя, ведь этого поселка в ущелье совсем недавно еще не было». Или: «Постой, а что это на Афонтовой горе строят?» Или: «Костя, гляди, прямо в скалах дорогу на Шумиху прорубают». Навстречу нам один за другим попадались пароходы. Раза три они и обгоняли нас. Мы обогнать никого не могли. Но мне очень хотелось, чтобы и мы начали кого-нибудь обгонять.

К берегу наша баржа притравилась точно в тот момент, когда последний солнечный луч на правобережной горе мигнул и погас. Под «нашу» скалу мы добрались уже вовсе впотьмах. Алешка орал. С ним случилась обыкновенная история, а все его имущество было затянуто в каком-то одном из двух узлов, которые я нес на ремне, перебросив через плечи. Маша сердилась. Не на Алешку, а на меня. Будто это я орал и для меня нужно было впотьмах искать сухие пеленки. Она говорила: «И зачем мы взяли его с собой?»

Но когда загорелся костер и ввысь полетели светлые искорки, когда от огня сразу стало тепло и уютно, словно мы забрались в темный шатер с открытым лишь верхом, — все сразу повеселели, и особенно Алешка, который видел костер в первый раз.

Надо сказать, что Алешка в первый раз и выкупался в Енисее. Не весь. Одной половиной. Иного выхода не было. Маша начала греть воду в котелке, но я сказал: «В котелке лучше свари картошку, ужасно хочется есть». И мы с Алешкой превосходно обошлись Енисеем. Маша, недовольная, покачала головой: «Вот схватит он воспаление легких...» Хотя помыл я его только там, где у него никаких легких нету.

Ночь была сухая и теплая, совсем не такая, как во время ледохода, когда я из карманов плаща, полных воды, вытаскивал каких-то колючих жуков. В кустах тенькали птички, которым спать не давал свет костра, под скалой в реке плескались ельцы. Я нарубил мелкого лозняка, устроил из него для Алешки глубокую постель, чтобы он не выкатился в костер, и парень через минуту захрапел, как взрослый мужчина. Маша с сомнением прислушалась: «Не бронхит ли у него начинается?»

Для нас я приготовил такую же шикарную постель. Но спать нам не хотелось. Мы уселись на плоском камне над самой водой, по которой бегали отблески пламени. Здесь, немного в стороне от костра, ночь не казалась очень темной. Хорошо был виден правый берег, а вдоль него — глубокие тени от деревьев, сбежавшихся к самому Енисею. Спокойно, размеренно вспыхивали и гасли белые ацетиленовые огоньки на перевальных столбах.

Маша глядела вверх, искала свою звездочку, которая всегда стояла над Такмаком, если смотреть от нашего дома. Тут обзор неба зажат был горами, оно казалось не круглым сводом над землей, а длинной дорогой — где Енисей, только там и небо. Но Маша все-таки нашла звезду, хлопнула в ладошки: «Вот она!» И долго не могла отвести от нее глаз. Я сказал: «Мне кажется, это другая. Та была поменьше». Маша сказала: «Костя, да как же другая! Это созвездие Козерога. Точно. А кажется она крупнее только потому, что здесь воздух чище, прозрачней, чем в городе». И Маша стала мне показывать разные созвездия на небе, словно она среди них уже летала сто раз и знает их, как знаю я перекаты на Енисее от самого Красноярска и до Игарки.

— Как хорошо, что мы сюда приехали с вечера, — сказала Маша. — Какой здесь воздух! Свежесть. Тишина. — Прислушалась: — Костя, ты слышишь, что говорят сейчас там, на планете, похожей на нашу Землю, около этой звездочки?

— Слышу, — сказал я и тоже прислушался. — Кто-то там шепчет тихонько: «Я очень тебя... люблю».

Маша засмеялась: «А я, кроме этого, слышу еще — прилетай!» Встала, подвинула свой камень так, что теперь мы могли сидеть рядом, тесно плечом к плечу. Запустила свои прохладные пальцы мне в рукав рубашки.

— Костя, — спросила она, — а когда люди начинают стареть? Какие признаки этого?

— Нам далеко, — сказал я.

— А все-таки?

— Ну... морщины появятся, седина. У мужчин — лысина. Этот, как его, ревматизм.

— Нет, — сказала Маша и снова взглядом потянулась вверх, — нет, не это. Человек начинает стареть тогда, когда он перестает слышать, что говорят там, на этих далеких звездочках.

Я не знал, как на это ответить Маше, хотя я превосходно понимал, что она имеет в виду. Какие звездочки и какую глухоту человеческую. Но сейчас я чувствовал удивительную силу у себя в руках.

— Маша! Поплывем на тот берег! Вода не очень холодная.

Она оглянулась на костер.

— Смешной! А как же Алеша?

— Возьмем. Я его к голове своей привяжу.

Я мог бы действительно поплыть через Енисей, взобраться на отвесный утес, под которым мы сидели, полететь к Машиной звездочке. Я слышал все, что там, на планете, говорили!

Маша своими пальцами, теперь уже потеплевшими, забралась мне в рукав до самого локтя.

— Костя, нам надо жить как-то быстрее.

Мне вспомнилось, что эти слова Маша говорила и в день своего приезда из Москвы. И я тоже их понимал. И знал, что они означают. И душой готов был жить «быстрее». Машу эти мысли одолевают давно. Немного другими словами она их высказывала и раньше. «Быстрее...» Конечно, надо быстрее. Но как?

Маша начала тихонько, все так же глядя в манящую вышину неба:

— Костя, скоро люди полетят на Луну, на другие планеты. Почему они это не делали уже сто лет тому назад? Почему двести лет тому назад люди не ездили на поездах? Почему тысячу лет назад люди не печатали книг?

— Не умели. Не знали — как.

— Да. Не умели. Не знали. Но у каждого времени был свой уровень развития науки, творческой мысли.

— И свои гении тоже. Главное!

— Н-н... Не главное, Костя. Самый величайший гений не осуществит, нет, не осуществит ничего, если решение его замыслов не подготовлено. Понимаешь? Не подготовлено всем современным ему уровнем науки и культуры.

— Ну, например? — спросил я. Это у нас всегда. Маша любит начинать с общих опреде-

Оправданные ожидания

ВДЕНЬ открытия гастролей Северо-Осетинского музыкально-драматического театра в Москве неожиданно завязалась дружеская полемика между Ю. Завадским и старейшим актером Осетии Б. Тотровым.

— Не чувствуйте себя, как на экзамене, — гостеприимно предлагал Завадский.

— Нет, мы рассматриваем свои выступления в Москве прежде всего как творческий экзамен, — возражал ему Тотров.

Правы, вероятно, оба. Конечно же, декада — праздник, так оно и есть, и атмосфера в зрительном зале — торжественно приподнятая. Но вместе с тем декадные спектакли вызывали и товарищескую критику; в разговорах об их достоинствах и недостатках звучала забота о дальнейшем расцвете осетинского искусства.

Каждый, кому довелось наблюдать осетинский театр на протяжении ряда лет, с полной уверенностью скажет: к актерам Осетии пришла творческая зрелость. И не их вина, если какая-либо пьеса далека от совершенства или режиссура не сумела придать спектаклю художественное единство. Но в тех случаях, когда пьеса интересна и верно понята режиссурой, в актерских удачах недостатка не бывает.

Две пьесы о современности — «Крылатые» А. Токаева и «В родных горах» Р. Хубецовой.

«Крылатые» — комедия. Об этом можно судить не только по сообщению программки, но и по реакции зрителей: они смеются. Но комедия эта, как вскоре замечаешь, имеет свои особенности. Сюжет ее определяет, как будто, история колхоза,— он был плохим, а стал хорошим. Но трудно понять, что именно и почему там не ладилось и как было покончено с досадным отставанием. Конфликт заявлен, он как бы объединяет пьесу, но... Чередуются, переплетаются различные сюжетные линии: и лирические, и бытовые, и оригинальные, и довольно-таки традиционные для комедиографии, однако не завязываются они в крепкий драматургический узел.

При этом трудно не увлечься многим из того, что происходит на сцене. С каким темпераментным упорством добивается председатель колхоза Будзи (Ф. Каллагов) своих целей и как смущенно и вместе с тем поэтично объясняется он в любви! Как привлекателен гордый и немного строптивый характер Дзерассы у О. Бекузаровой. Право же, стоило только начать разговор об актерских удачах, и уже нелегко остановиться: Хамат — Н. Саламов, Кошер — Э. Торчинова, Мерет — З. Тхапсаева. Далой — М. Цихиев...

Что же произошло? Может быть, А. Токаев совершил то, что никому пока не удавалось: доказал необязательность центрального острого конфликта пьесы, посрамил теорию драмы? Нет, он ее не посрамил, он ее обошел.

Токаев чувствует театр и понимает, что без борьбы не может быть на сцене активного действия. Не найдя конфликта, общего для всех или большинства персонажей, он отыскал несколько малых конфликтов, на каждый эпизод особый, свой. А режиссер Г. Хугаев, тонко разобравшись в этих особенностях пьесы, с выдумкой, оригинально решил каждый из эпизодов и очень бдительно следит за тем, чтобы они быстро, мгновенно сменяли друг друга — никто не должен заметить бреши между ними.

Нет стройной комедии, зато налицо своеобразное комедийное обозрение. В нем немало доброго юмора, свежих авторских наблюдений, подмечены многие черточки нового в быте сегодняшней Осетии. А это в сочетании с общей жизнерадостностью тона пьесы и спектакля помогает найти общее смысловое и стилевое единство актерской игры.

А вот для постановки пьесы Р. Хубецовой «В родных горах» такое единство, вероятно, недостижимо. И это несмотря на то, что в отличие от Токаева Хубецова намечает единое драматургическое действие.

Первый акт: юноша Алан, закончив десятилетку с золотой медалью, собирается ехать работать на шахту, хотя мать предпочитает видеть его студентом. Акт второй: Алан убоялся трудностей и бежит с шахты. Третий: Алан становится лучшим шахтером участка.

Все это вполне могло случиться в жизни. Но ведь об увиденном необходимо рассказать языком искусства! Образно. Действенно. А в пьесе мысль буквально растворяется в словах. Все наперебой уговаривают Алана. Зрителям все ясно, но Алану продолжают разъяснять. Мотивировки его действий туманны: на сцене мало происходит событий, побуждающих героя поступать так или иначе.

А ведь в пьесе чувствуется одаренность автора. И заметнее всего она дает себя знать в колоритных бытовых зарисовках, в комедийных сценах, комедийных ролях, как, например, почетный шахтер Дзиба, его жена Фари, шахтер Заур. Написаны они образно, живо. И сыграны превосходно. Сразу же разгоняют холодок в зрительном зале В. Тхапсаев (Дзиба) и С. Икаева (Фари), стоит им только появиться на сцене. Много яркого, интересного вносит в спектакль К. Сланов (Заур).

Первый вариант «В родных горах» и был, как рассказывают, комедией. Очевидно, ее недостатки очень смущали театр, если он побудил драматурга к решительной переделке пьесы. Но разве позволительно было отказываться от избранного автором жанра? Нужно ли еще раз повторять, что нельзя безнаказанно ломать образный строй пьесы, а он, разумеется, от жанра неотделим, и пытаться таким способом углублять ее проблематику?

Художественный просчет этой операции теперь отражается на спектакле. Тактично ведет роль Алана молодой актер У. Хурумов,— он и обаятелен, и органичен, но вынужден жить на сцене по законам недописанной психологической драмы, а рядом с ним бушует и резвится бытовая комедия. Само собой понятно, кто больше проигрывает при таком соседстве!

В том, насколько плодотворно творческое единомыслие театра с драматургом, можно лишний раз убедиться на примере поставленной более десяти лет назад трагедии Г. Плиева «Чермен».

Работа над спектаклем (режиссер З. Бритаева) шла в полной согласованности с авторским видением, романтика и поэзия пьесы обогащались углублением психологических мотивировок, характеры становились более объемными.

Очень интересно задумана постановка «Короля Лира». Ее в Москве ждали. После выдающегося успеха замечательного актера В. Тхапсаева в роли Отелло столичных театралов не на шутку беспокоило, как будет решена осетинским театром новая, еще более сложная творческая задача. Тхапсаевым и режиссером Е. Марковой предложена масштабная и современная трактовка роли. Но яока еще образ не обрел окончательной цельности.

Лучшее в спектакле — картины в степи. Лир—Тхапсаев, освобожденный от ложной идеи, от чар властолюбия, бросающий вызов ливню, ветру и молниям, действительно, могуществен. И как естествен переход к мягким, теплым интонациям, призванным согреть промокших, закоченевших друзей...

Но самый ход познания истины пока еще в спектакле как бы прерывист. В сцене у Гонерильк, когда Тхапсаев — Лир возвращается с охоты, ясно виден прежний властный монарх, властелин, кто посмеет в этом усомниться?

Но потом при встрече с Гонерильей нет нарастающего изумления от того, что дочь перестала считать его королем. Сразу же следует вспышка необузданного гнева, сразу же чуть ли не кульминация трагедии. Тут явная ошибка режиссера и актера, здесь нарушается концепция образа.

Не всегда режиссер проявляет чуткость к особому строю творчества Тхапсаева, увлекается стремлением к обобщенной эпичности, а это чуждо актеру, наиболее сильному совсем в другом: он умеет сложное выражать просто.

И все-таки «Король Лир» радует: так много уже достигнуто, что веришь в успех завершающего этапа поисков целостного решения одной из сложнейших шекспировских трагедий.

Что же следует сказать в заключение? Кажется, безграничны творческие возможности актеров Северо-Осетинского театра. Но в современном репертуаре их все же сковывает слишком ограниченное число достойных национальных пьес. Дело за драматургами республики.

Вл. БЛОК

Маро МАРКАРЯН

ИСКОРКА

Пруд-художник
целый лес
На себе изобразил,
И в себя он погрузил
Солнце, снятое с небес.

Это здорово! Но мне.
Мне давно уж не дано
Видеть, будто в полусне,
Выль и небыль зводно.

Пройден, пройден долгий путь
Через все, что не вернем,
И меня не обмануть
Непылающим огнем.

Искорка из-под кремня,
Поджигающего трут,
Драгоценней для меня,
Чем лжесолнцем полный пруд!

Перевел с армянского
Леонид МАРТЫНОВ

ВЫШЛИ В СВЕТ...

ГОСЛИТИЗДАТ

Ален-Фурнье. Большой Мольн. Роман. Перевод с французского М. Ваксмахера. Предисловие Л. Зониной. (Зарубежный роман XX века). 207 стр. 170 000 экз. 5 руб. 20 коп.

Бануш М. Стихи. Перевод с румынского. 191 стр. 5 000 экз. 3 руб. 20 коп.

Богомолов В. Иван (Рассказы советских писателей). 87 стр. 300 000 экз. 80 коп.

Городецкий С. Стихотворения и поэмы. Вступительная статья С. Машинского. 419 стр. 7 000 экз. 7 руб. 20 коп.

Емельянова Н. Жизнь розовая. (Рассказы советских писателей). 55 стр. 225 000 экз. 50 коп.

Моэм В. Луна и грош. Роман. Перевод с английского Н. Ман. Предисловие М. Тугушевой. (Зарубежный роман XX века). 216 стр. 75 000 экз. 5 руб. 70 коп.

Некрасов В. Судак. (Рассказы советских писателей). 55 стр. 200 000 экз. 50 коп.

Погодин Н. Янтарное ожерелье. Роман. (Роман-газета). 102 стр. 500 000 экз. 2 руб. 75 коп.

Сельвинский И. Избранные произведения в 2-х томах. 10 000 экз. Т. 1. 351 стр. 10 руб. Т. 2. 655 стр. 12 руб. 10 коп.

ВЕКА, ГОДЫ, ДНИ, МЕДАЛИ...

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

спорте. Когда же нам раздали проспекты об американском спорте, этого никто как бы не заметил, да и мы сами ничего дурного не усмотрели в желании американцев познакомить всех с достижениями своего отечественного спорта, как не усмотрели мы, скажем, ничего злостного и в том, что в нашем католическом отеле на стойке бара стоит ящик, куда предлагают опускать чаевые на престол церкви.

Но иной раз вдруг послышится голос как бы из могилы. У нас было абсолютное ощущение разговора с сильно попорченными временем покойниками, когда мы стали то и дело находить в своих почтовых ящиках в отеле номера эмигрантской газетки «Посев» (этот, с позволения сказать, посев исходит во Франкфурте-на-Майне) или даже брошюрки вроде «Правда о русском царизме», в которых утверждается, что, вопреки злой воле нехороших дворян, добрые батюшки-цари всегда старались спасти и облагодетельствовать русский народ, что дни Советской власти сочтены и поэтому единственное спасение наше в русском царе... Благо, уже припасен и наследник — родной правнук Александра второго...

Честное слово, если бы я сам своими руками не выбросил в корзину эту писанину, я бы не поверил, что даже в Буэнос-Айреса (городе, где она напечатана) можно сегодня печатать типографским способом вот этакое... Да еще всучивать эти бредни людям страны, посланников которой встречают в Риме возгласами: «Рус, Москва, Спутник, Хрущев бене!».

Хорошо, что все эта шелуха остается где-то далеко за пределами стадиона и спортивных залов, где сегодня наступает уже двенадцатый день Олимпийских игр. Там идет честная, трудная, упорная, но увлекательная и товарищеская борьба. Там хороший воздух.

У нашей команды были и триумфальные дни и огорчения, без которых не обойдешься при таком разнообразном соревнования и при столь высоком спортивном уровне соперников.

Что и говорить, опечалили нас наши боксеры и баскетболисты. Из мастеров кожаной перчатки только трое добрались до финала. Остальные должны были остаться на ведущих к нему ступенях. Баскетболисты наши не смогли противостоять бравурному натиску, виртуозному искусству передачи мяча и дальним безошибочным броскам американцев, имеющих сейчас самую сильную из баскетбольных команд.

Зато уверенно взяла в свои надежные руки золотую медаль Тамара Пресс, толкнувшая ядро дальше всех на олимпийском стадионе. И победил всех в метании молота Василий Руденков, дав римским острякам повод рисовать карикатуры, на которых советский атлет держит в одной руке серп, а в другой — молот.

С подлинным мужеством «выходил» свою золотую медаль Владимир Голубничий в ходьбе на 20 километров.

Еще раз сверкнуло золото двух золотых медалей над голубой гладью озера Альбано: Валентин Борейко и Олег Голованов на двойке и наш молодой мельбурнский чемпион Вячеслав Иванов блестяще завоевали высокие награды.

Особенно хочется мне поздравить наших фехтовальщиков. Спорт этот изящный, требующий верного глаза и твердой руки, мгновенной молниеподобной стремительности, был у нас недавно совсем непопулярен. Тем более приятно поздравить наших фехтовальщиков и фехтовальщиц — та и другие выиграли три золотые и две серебряные медали, оттеснив всех опытных и прославленных «бретеров».

Новую неделю Олимпиады наша команда встречает сегодня 19 золотыми, 9 серебряными и 11 бронзовыми медалями. Такого количества золотых медалей нет еще ни у кого из участников Олимпиады и есть твердые основания для самых добрых надежд на ближайшие дни.

Л. КАССИЛЬ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

РИМ. 5 сентября. (По телефону)

ПИСАТЕЛЬ И НАУКА

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

А. Шарова. В талантливой повести «Путешествие продолжается» А. Шаров рассказывает не выдуманную, почти документальную историю молодого советского ученого Будрявцева, сделавшего попытку расшифровать таинственную письменность острова Пасхи. Читателю открывается не только мир этнографии и археологии, но и то неповторимо увлекательное начало, которое свойственно всякому научному исследованию.

Знаменитый роман Митчела Уилсона «Жизнь во мгле» полюбился читателю не только за яркие и сложные характеры, острые сюжетно-психологические ситуации, но прежде всего за то, что Уилсон умеет приобщить нас к интимным процессам научно-исследовательской работы современных ученых-физиков. Но даже Уилсон не решился ввести в роман философско-теоретические проблемы физики, столь сложные и столь трудно поддающиеся популяризации. Он показывает физический эксперимент в лаборатории, но избегает разговоров о том, что внесла физика в теоретическую картину мира.

Многие наши писатели, изображавшие жизнь ученых, тоже поначалу ограничивались изображением наглядной лабораторно-экспериментальной работы, легче поддающейся художественному описанию, нежели мир сложных физических или биологических идей. Исключение, пожалуй, составляет И. Ефремов, который смело вводит в свои романы и повести такие сложные понятия, как «поле», «кванты», «мутации», и не только экспериментальную, но и теоретическую науку, как это делал до него Томас Манн (отнюдь не научный фантаст), посвятивший много страниц романа «Волшебная гора» сложнейшим идеям естественных наук.

«— Естественными науками вы мало интересуетесь...» — говорит один из героев романа Г. Коновалова «Университет». Но не относится ли этот упрек и к нам, пишущим о науке и ученых?

Уже много лет среди физиков и философов идет спор о причинности в микромире. Биологи много спорят о взаимоотношении вида и времени, наследственных свойств организма с историей и средой. Художественная литература, как правило, проходит мимо этих споров. Но вправе ли писатель, ссылаясь на специфику творчества, закрывать двери перед проблемами, без которых нельзя понять физическую картину мира, историю органической жизни? Вправе ли он ограничивать свою задачу показом экспериментальной деятельности ученых, избегая сложных теоретических и философских проблем?

В большинстве случаев все эти проблемы начисто вытесняются проблемами этическими. Весь первый план занимает борьба ученых с лжеучеными, мелкими карьеристами и бюрократами, оставляя мало места собственно тому, ради чего ведется эта борьба. В порядке самокритики автор этих строк мог бы привести в пример свою повесть «Однофамилец».

Известно, каким спросом пользуются книги И. Ефремова.

Чем же вызван необычайно острый интерес к романам и повестям, излагающим научные идеи отнюдь не популярно, не чуждающимся сложной философской проблематики, насыщенным и перенасыщенным трудными для восприятия фактами и терминами?

Читателя интересует не только наше завтра, но и наше сегодня. Рассказывая о далеком будущем, Ефремов в сущности, рассказывает о современности. Теория относительности и квантовая механика входят в круг бытовых представлений ефремовских героев. Это мир, в котором человек, выйдя из квартиры, шагнул во Вселенную, почувствовал себя хозяином времени и пространства.

Более тридцати лет назад академик А. Е. Ферсман спрашивал себя и своих современников:

«Почему мы так верим в незыблемость времени? Неужели действительно время не зависит от других элементов природы и во всем мироздании именно оно могучее и сильнее всего? Неужели человеческий ум не сумеет обуздать время, подчинив его творческой воле человеческого гения?»

Победа над гравитационными силами Земли, осуществление мечты Циолковского, познание закономерностей макро- и микромира — все это стало не только достоянием ученых, но и каждого любознательного человека.

За последние годы необычайно расширились наши знания о пространстве и времени. Астрономы, геологи и климатологи стали оперировать такими неслыханно грандиозными понятием, как галактический год, ища новые объяснения для еще не полностью разгаданных явлений природы. Наше ухо давно привыкло к таким, в сущности, удивительным словосочетаниям, как агрофизика, астрофизика, астроботаника. Не так давно в Ленинграде в Географическом обществе состоялась астрогеологическая конференция по изучению новых проблем теории Земли. Но писатель, который увлекся бы только астропроблемами, забыв о проблемах более насущных и земных, едва ли нашел бы путь к сердцу взыскательного читателя. Критерий истины — практика. А практика в нашей стране вся пронизана духовным творческим началом и неотделима от теории.

Великий теоретик и экспериментатор К. Э. Циолковский не раз сетовал на то, что почти вся энергия Солнца пропадает, не использованная техникой и наукой. Но вот наступило время, когда осуществляются мечты и космические, и земные. На орбиту запущен космический корабль, непосредственно использующий энергию Солнца, прообраз того, что понесет посланцев Земли на другие планеты. Появились полупроводники и нашли широкое применение в технике. Сотрудники Института полупроводников, возглавляемого академиком А. Ф. Иоффе, немало сделали для поисков технических средств, способных непосредственно превращать тепловую энергию в электрическую. Существуют и другие совершенно новые технические идеи, для реализации которых потребуется усовершенствование и перестройка многих отраслей промышленности.

В июле состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором обсуждались вопросы внедрения новых технических и научных идей в промышленности. Грандиозное единство науки и промышленности, осуществленное в нашей стране, — вот одна из самых интересных тем современности.

Но эту тему можно решить только через вдохновенное изображение людей науки и производства, их чувств, их дум, их творческих дерзаний, без чего нельзя понять и представить себе монументальный облик нашего героического времени.

Все это должно заставить задуматься тех беллетристов и критиков, которые замкнулись в узком кругу академически-литературных проблем. Наука стучится в двери прозаика и поэта, в двери эстетика и теоретика литературы, напоминая о том, что мы живем в век покорения космоса, в век гигантского развития физики, химии и биологии.

Уэллс ведь замечателен не только тем, что пропагандировал научные идеи своего времени или заглядывал вдаль, в будущее, — он стремился к синтезу научного видения мира с художественным, оставаясь при этом настоящим художником.

Современные буржуазные философы делают все возможное, чтобы не только оторвать искусство от жизни, но и противопоставить его науке. Они отрывают эмоциональное от интеллектуального. А. Ричардс в статье «Наука и поэзия» сетует: «Вместо магических воззрений мы обременены теперь математическим миром — полем для прослеживания все расширяющегося и все более обобщенного однообразия... Наука может рассказать нам о месте человека во вселенной и его возможностях; о том, что место это не прочно, а возможности проблематичны».

На фоне этих грустных, почти пораженческих «идей» какими грандиозными кажутся картины, нарисованные Ефремовым и другими советскими писателями, стремящимися к синтезу научного и художественного видения мира!

ЖУРНАЛЫ В СЕНТЯБРЕ

ЗНАМЯ. Журнал публикует редакционную статью «Незабываемый день», посвященную встрече руководителей партии и правительства с деятелями советской науки, литературы и искусства.

Продолжается публикация романа В. Катлинской «Иначе жить не стоит». В номере — рассказы Н. Аргуновой, А. Маркуши, Ю. Семенова, стихи М. Таика и В. Тушновой. Публицистика представлена документальной повестью В. Полторацкого «Зеленая ветка», рассказывающей о жизни и делах тружеников Владимирской области.

В разделе «Документы. Воспоминания» — окончание повести В. Гиляров «Во имя жизни».

Помещены статьи и рецензии Е. Книпович, И. Гринберг, А. Старкова, М. Галлая.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. На первых страницах опубликованы стихи вьетнамского поэта Те Ханя, повесть итальянского писателя Элио Витторини «Эрика», окончание романа Владимира Минача «Ветер в лицо».

Под рубрикой «Современная японская поэзия» — стихи поэтов Японии в переводе и с предисловием В. Марковой. Читатели найдут в сентябрьском номере окончание романа-памфлета Мартти Ларни «Госпожа советница». В разделе «Критика» — статьи Л. Касаткиной «Крылатые семена всходит» (о любимых героях Причард) и Л. Зониной «Альтонские узники» Сартра». В разделе «Обзоры» — заметки о сингальской литературе Дон Карлоса Перейра Венерагама и обзор новых романов на языке хинди Шивдана Сингха Чаухана.

Под рубрикой «Культура и современность» помещено обозрение зарубежной прессы. Публицистика представлена главами из книги Альберта Кана «Заговор против мира». В номере рассказывается о визите Пабло Неруды в редакцию «Иностранной литературы».

НОВЫЙ МИР. «Остров Афродиты» — так называется пьеса греческого писателя Аликсиса Парниса, которую редакция предлагает вниманию читателей. Опубликованы четыре стихотворения К. Ваншенкина, стихи испанского поэта Хуана Рехано «Песни мира», стихи И. Френиэля «Червонный кутюк» и Е. Стюарт «Доверие», начало повести Н. Дубова «Жестокая проба» и повесть М. Симашко «Искушение Фраги» (о классике туркменской литературы Махтумкули). Продолжается публикация первой книги воспоминаний И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь», напечатаны впечатления А. Кронд о путешествии в Индонезию с тихоокеанской эскадрой.

В разделе «Публицистика» — статья Д. Рудь о межколхозной кооперации, о животноводстве. Под рубрикой «В мире науки» редакция поместила статью Р. Перевезенцева «Загадочные приписки». В ней рассказывается о поправках в летописях времен Ивана Грозного, происхождение которых до сих пор было неясным. Как утверждает советский историк Д. Альшиц, эти поправки были сделаны рукой самого царя.

В разделе «Дневники, воспоминания», посвященном 50-летию со дня смерти Л. Н. Толстого, опубликован очерк А. Сергеенко «Встречи с Толстым». Под рубрикой «Литературная критика» помещена статья М. Кузнецова «Спор решит жизнь». Читатели найдут в номере заметки о последних книжных новинках статью Л. Фарбера об Алексее Яровицком, традиционный раздел «Коротко о книгах».

ОТ ГАВАНЫ ДО САНТЬЯГО

4. *Жарко в Гаване, жарко... С утра и до вечера весь город томим неутолимой жаждой. Гаванцы поглощают водопады фруктовых соков, минеральных и прохладительных напитков, ледяного пива и горячего кофе. Главное, конечно, — кофе. Некоторые ухитряются выпивать до сорока чашечек в день. На каждом перекрестке—маленькие стойки, у которых за три «сентавос» вы получаете крепчайший горький кофе и стакан холодной воды. Красивая девушка за стойкой кафе—неотъемлемая черта городского пейзажа.*

5. *На улицах кубинских городов часто видишь транспаранты с лозунгом «Революция — это строительство». А в учреждениях висят плакатики с надписью: «Пожалуйста, поторапливайся, потому что мы и так опоздали на 58 лет!» (Имеются в виду годы после предоставления Кубе формальной независимости.) И кубинцы торопятся. Работают и строят, не жалея сил. Вот студентки из Сантьяго в свободное от занятий время помогают строить поселок Нуэво Виста Алегре.*

Две пьесы о современности — «Крылатые» А. Токаева и «В родных горах» Р. Хубецовой.

лений, а я — сразу с прямых, видимых примеров. Люблю не алгебру, а арифметику. С картинками. Тем более, когда смотришь на звезды.

— Пожалуйста, — сказала Маша. — Могу и примеры.

Люди нашего времени уйдут в звездный полет. Циолковский уже доказал, на что способна ракета. И люди уже умеют выплавлять такой твердый металл, который не сгорит, молнией пробиваясь сквозь атмосферу Земли. И люди уже умеют удивительно быстро и точно вычислять орбиты и траектории тел, движущихся в космическом пространстве.

Мне подумалось, что, пожалуй, зря я, даже сам для себя, отвергаю алгебру — штука вообще-то дельная, без нее, на одной арифметике, теперь действительно никуда не уедешь. А Маша между тем говорила:

— Костя, чуть не триста лет тому назад астроном Галлей вычислил орбиту кометы, которую он сам наблюдал всего лишь один раз в жизни. И предсказал, когда она снова покажется в небе. Уже после его смерти. Галлей немного ошибся: она появилась с «опозданием» на год. Другие астрономы поправили расчеты Галлея, и комета в следующий раз «опоздала» только на три дня. Вот что знают уже о небе и что могут люди.

— А куда она девалась теперь? Я что-то ни разу даже в газетах о ней не читал.

— Она появляется один раз в семьдесят шесть лет, — сказала Маша, — и теперь мы ее увидим только в 1986 году.

— Ого! — сказал я. — Ну, ничего, мы будем тогда еще не совсем стариками.

— Костя, а я хочу увидеть комету Галлея совсем молодой! Мы с тобой обязательно должны увидеть ее молодыми!

Ленька, конечно, тут же запел бы свое: «А-а, хитрая какая!». Мне хотелось тоже примерно это сказать. Но я угадывал в Машиных словах не прямой смысл, она говорила о молодости души, о тихом звездном разговоре, который мы должны слышать и тогда.

— Маша, — сказал я, — мы не постареем. Подумаешь, будет нам по пятьдесят четыре года. Мы с тобой придем тогда на этот же берег и будем смотреть.

— Костя, нет, мне хочется посмотреть на комету Галлея раньше, не в пятьдесят четыре года.

— Как это?!

— С космического корабля! Полететь ей навстречу! Тогда мы действительно увидим ее молодыми.

Мы оба сразу замолчали. И оба, наверно, от неожиданности. Потому что заранее и Маша вряд ли представляла себе, как вслух прозвучат эти слова. Ночью. Под торжественным небом. Когда со всех звезд и нас тоже слушают.

И чем дольше молчали мы, тем огромнее казались мне сказанные Машей слова, они, раскручиваясь тугой спиралью, ввинчивались в небо, и мы вместе с Машей неслись в вышину внутри этой спирали.

— Маша, а как сделать это? — наконец спросил я.

Она еще долго молчала, чуть поглаживая пальцами мою руку.

— Может быть, я очень дерзко сказала: «нам полететь»... Может быть, только Леша наш полетит. Может быть, полетят даже после него, вовсе нам незнакомые люди. И мы с тобой уже теперь обязаны сделать что-то такое, чтобы они могли полететь. Хотя, конечно, больше всего мне хотелось бы самой полететь! — Маша поежилась от зябкой, счастливой дрожи, толкнула меня плечом: — Костя, нет ничего страшнее нуля: для жизни ничего не значить. Таких круглых нулей, наверно, у нас и нет. Но быть каким-то бессильным человечком, который хотя и двигается вместе со всеми, но не ведет никого за собой, — это почти тот же нуль. Я не о славе говорю, а о силе человека. Человек силой своей обязательно должен подтягивать другого. Знаешь, вот как в гору, когда поднимаются люди. Костя, тянем ли мы кого за собой?

И я как-то сразу же встал в тупик. Ну да, тянем, конечно, тянем... Но в чем? И кого именно? И как мы могли бы сильнее тянуть? А Маша снова:

— Костя, я почему говорю: нам надо жить быстрее. Иной день пройдет, а большого отметить в нем нечего. Надо, чтобы каждый день было это большое, чтобы не было вовсе пустых, серепьких дней, которых тысячу вместе сложи, и они одного большого дня не стоят.

Меня это даже обидело.

— Не знаю, — говорю, — Маша, как ты считаешь. Если мы строим мост, двигаем его раньше сроков, и это дни пустые,—какие тогда не пустые, не серенькие?

— Костя, так ведь человек живет не только то время, когда он на работе. И я не говорю, что даже дома много у нас пустых, серепьких дней. Но хочется, чтобы их вовсе не было, чтобы каждый день тебе что-то прибавлял, чтобы ты сам себе прибавлял ума, знания, чувства красоты. Всякая работа должна быть с мечтой. И должна быть у человека обязательно вторая мечта — новая, дальняя. Достиг ее — пусть впереди откроется вторая. Всегда впереди чтобы была вторая. К ней — быстрее, быстрее.

И мне подумалось: я ведь сам люблю всегда, чтобы у меня все кипело в руках, чтобы в движении тугой ветер бил мне в грудь.

А Маша говорила, что есть удивительно простое средство добиться задуманного. Как у скульптора. Тот берет глыбу камня и отсекает от нее все лишнее, ненужное. Остается дивное произведение, та воплощенная творческая мечта художника, ради которой он взял в руки молоток и резец. Чтобы стать знающим, нужно последовательно на пути к этому отсекать свое незнание.

— Костя, почему мы с тобой не можем завтра улететь на эту звездочку? Мы не знаем, как рассчитать траекторию полета. Мы не знаем, какой конструкции должен быть космический корабль. Мы не знаем, на каком топливе он может двигаться. Мы не знаем, как защититься от космических лучей. Мы не знаем... Тысячу, миллион разных «не знаем». Больших и маленьких. Таких, какие скульптор отсекает зубилом, и таких, какие он снимает тонким острым резцом. Но если мы одно за другим отсечем, откинем все эти миллионы «не знаем» — мы полетим!

Академик Иван Андреич Рощин когда-то подарил мне свою книгу. Чтобы прочитать и понять ее, мне много пришлось прочесть и понять других книг. Я теперь знаю, хотя и не точно и не полностью, о чем писал Иван Андреич. Мне это нравится — так читать трудные книги. Я сейчас тоже отсекаю одно за другим свои «не знаю». Но когда у меня накапливаются мои «знаю», я не собираюсь делать из них что-то новое и большое. Они пока просто лежат у меня в памяти, в уме, одни полезные, другие — и снова забыть не жаль. Маша говорит: собирай «знаю» не как попало, а подчини их определенной цели. Когда ты устранишь все свои «не знаю», ты достигнешь мечты. А тебе тогда снова откроется вторая — дальше, впереди. Вообще-то здорово!

— Маша, я хочу! — сказал я. — Только сейчас я хорошо не знаю — какая у меня самая главная мечта, вторая, та, которая впереди. А сил, Маша, у меня хватит. И воли — тоже. Это ты знаешь.

Костер позади нас погас совершенно. И вместо розовых пятен от него, на воле забегали золотые черточки — от звезд. А скала вычертилась глубокой черной тенью, и там, где она обрывалась, все время плескались веселые сельцы.

— Костя, — сказала Маша, — я тоже пока ищу ее, свою большую мечту. Давай вместе поищем. Одну на двоих или каждому свою. Только давай будем жить ответственно. И быстро. — Маша засмеялась, загромоздила меня. — Иначе лучше быть просто травой. Но мы, Костька, будем умными, умными...

Маша так сильно ткнула меня в бок, что я потерял равновесие и свалился с камня. И мне стало тоже очень весело. От того, что я такой сильный, а свалился от Машиного толчка. От того, что она первый раз назвала меня Костькой и сказала, что мы будем не травой, а умными, умными. И от того еще, что я ее очень люблю, а жить — хорошо.

КОНГО У ДВЕРЕЙ ШКОЛЫ

НЕБОЛЬШОЙ кабинет, скудная обстановка: два книжных шкафа, два стола, несколько стульев. Все железное: влажный климат Леопольдвиля разрушает обычную деревянную мебель. За столом — худощавый молодой негр. Неторопливо он отвечает на наши вопросы.

— Самая жгучая, самая неотложная наша проблема — кадры. Новые национальные кадры нужны во всех областях экономики, культуры, общественной жизни. Бельгийцы, занимавшие прежде административные должности, объявили открытый саботаж, полагая, что черноножие никогда их не заменят и, таким образом, в республике начнется развал. Этот саботаж — причина многих наших затруднений. Со временем африканцы с высшим образованием займут посты в государственном аппарате, места руководителей предприятий. Но пока что таких людей у нас единицы. Бельгийцы делали все, чтобы преградить неграм путь к институту или университету. К сожалению, это им удалось. В этом отношении даже среди африканских народов Республика Конго выделяется удивительно малым количеством негров с высшим образованием и высоким процентом неграмотности.

Хозяин кабинета — министр народного образования и искусств Республики Конго П. Мулеле. Утром, во время краткого телефонного разговора, он незамедлительно согласился принять корреспондента «Литературной газеты» и ответить на все вопросы.

— Чуть ли не по пальцам можно пересчитать конголезцев, окончивших институты или университеты, — продолжает Мулеле. — Есть десятки и сотни профессий, в которых никогда не было подготовлено ни одного специалиста-конголезца. Нет, например, ни одного врача-африканца на все Конго. А чтобы вы представили себе, какая в них нужда, скажу вам, что в сельских районах республики на стотысячное население приходился один врач, а сейчас, с уходом бельгийцев, и того меньше.

Самое существенное для нас — добиться открытия тех немногих школ, которые существуют в республике. По возможности в самое ближайшее время дети должны сесть за парты. Дело в том, что весной все учителя-бельгийцы уехали в Европу, и в нынешних условиях мы не ждем их возвращения. Учителей-конголезцев очень мало, многие из них к тому же слабо подготовлены.

— Теперь вы понимаете наши затруднения, — продолжает министр. — Пока нам приходится думать не о расширении сети школ, что тоже крайне необходимо, а о том, чтобы просто начать учебный год. Увеличение числа школ и подготовка преподавателей-конголезцев — это встанет перед нами сразу после решения первой задачи. ЮНЕСКО обещало оказать нам поддержку. Но, кроме того, мы хотим обратиться к ряду стран, в частности к Советскому Союзу и Польше, с просьбой о предоставлении нам на весь учебный год учителей, владеющих французским языком. Я надеюсь, это поможет нам выйти из создавшегося положения.

— Какие высшие учебные заведения вы планируете создать в республике? — спросил я министра.

— Все, какие только можно, — последовал ответ, — и гуманитарные, и технические. До сих пор существовало всего два университета: в Леопольдвиле и в Элизабетвиле. Они не могут удовлетворить запросов страны даже на один процент. К тому же они открыты очень недавно. Мы будем перестраивать их структуру и расширять их. Как видите, работы у нас немало.

Я расспрашиваю его о литературе и искусстве конголезского народа. Министр может сообщить немногое. Писателей в Конго нет, литературы не существует. Есть ряд молодых журналистов, пробующих свои силы в прозе, и несколько переводчиков с французского на местные языки. Население республики говорит на 80 языках и диалектах, но на этих языках не создано ни одного романа, ни одной поэмы, ни одной пьесы. Устное народное творчество нашло свое отражение лишь в нескольких антологиях, очень произвольно составленных бельгийцами. На местных языках пишут, правда, некоторые миссионеры-католики, но литературой их творения назвать нельзя. Это — сказки и небольшие рассказы назидательного, нравоучительного характера. Конголезскому народу еще предстоит создать свою национальную литературу. Зато увлечение скульптурой — в крови конголезцев. Есть искусные мастера резьбы по дереву, слоновой кости. На улицах крупных городов нередко продают слоновые бивни, украшенные изящно вырезанными фигурками. А вот живопись еще только рождается. Интересно, что в живописи конголезцы идут от скульптуры. Местные художники по традиции накладывают краску на холст ножом. Мулеле показал нам выполненную таким образом картину: лето в негритянской деревне. В Леопольдвиле есть небольшая художественная школа, единственная на всю страну. Вокруг нее и группируется несколько начинающих живописцев-конголезцев.

Учиться! — вот магическое слово, которым наряду со словом «независимость» упивается каждый негр в сегодняшней Республике Конго.

В Республике Конго мне пришлось столкнуться с «цивилизаторской миссией» бельгийцев в Африке, с результатами их «просветительной деятельности». Юным конголезцам, точнее, тем, кому посчастливилось попасть в школу, внушали, что на земном шаре существует Великая Бельгия, Бельгийское Конго и еще кое-что, уже не заслуживающее серьезного внимания. В качестве воспитательной меры в школе применялась угроза... Сибирью! «Тебе что, в Сибирь захотелось?» — спрашивал учитель-бельгиец у провинившегося ученика.

В книжном магазине близ гостиницы я купил учебник «История Конго». Это примечательная книжка! Квинтэссенция учебника заключена в кратких резюме после каждой главы, которые нужно было выучивать наизусть. Там, например, говорится: «Население Конго располагает многочисленными школами, от интернатов до университетов... Рабочие, хорошо вознаграждаемые за свой труд, получают пенсию по старости. После своего прихода в Конго бельгийцы трудились над развитием сельского хозяйства и индустрии страны... Сельское хозяйство и индустрия сделали Конго одной из богатых и преуспевающих стран». Ах, как трудно было запоминать эти абстрактные «истины»!..

Выразительным примером уровня преподавания при бельгийцах может служить наша беседа с жителем Леопольдвиля Даниэлем Кинангой. Из беседы с ним выясняется, что он очень хорошо помнит то, чему его обучали в школе. Запомнить было нетрудно, ибо все сведения об окружающем мире отличались крайней лаконичностью. Вот, в частности, что говорил учитель о Советском Союзе:

— Первое — там не верят в бога; второе — тех, кто пытается зайти в церковь, расстреливают на месте; третье — там все общее: что захотел, то и взял. Но не только ты берешь, а и у тебя берут. Четвертое — жены там тоже общие...

...Грустные факты, но это факты прошлого. Невыразимо тяжела была участь конголезского народа. Невежество и безграмотность были его уделом. Но скоро на земле, чей народ лишь два месяца назад впервые вздохнул полной грудью, тысячи школ и десятки институтов примут тех, для кого вся жизнь собрана в одном слове: учиться!

Вся республика у дверей школы.

Ю. ГАВРИЛОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ЛЕОПОЛЬДВИЛЬ.
(По радио)

У НАС В ГОСТЯХ УИЛЬЯМ САРОЯН

В Москве находится известный американский писатель Уильям Сароян, автор многих романов, пьес и рассказов. Советским читателям известны такие его книги, как роман «Приключения Весли Джексона», повесть «Человеческая комедия», сборник рассказов «60 миль в час» и другие.

На днях Уильям Сароян посетил «Литературную газету». Во время беседы в редакции американский писатель поделился своими мыслями о современной литературе, рассказал о своих творческих замыслах.

Энрике Аморим

НА ОКРАИНЕ пограничного с Аргентиной уругвайского города Сальто стоит живописно увитая зеленью усадьба . под романтическим названием «Облака». В этом доме, известном каждому жителю Уругвая, недавно скончался Энрике Аморим — один из самых крупных прогрессивных писателей Латинской Америки.

Вспоминается одна из встреч с Энрике Аморимом в начале прошлого года в Монтевидео, куда он изредка наезжал из своего родного города. Подвижной и подтянутый, несмотря на годы, с живым юношеским блеском глаз, Аморим с гордостью показал книгу на украинском языке. Это был его роман «Открытый корраль», написанный в 1956 году и вскоре после этого изданный в Киеве. Художник изобразил на обложке человека в сомбреро на фоне кактусов.

— У нас нет ни того, ни другого, — улыбнулся Аморим. — Но книгу мою читают в Советском Союзе, и я горжусь этим.

В ответ на просьбу рассказать, над чем он сейчас работает, Аморим прочел стихотворение «Банкет в Кремле», написанное под впечатлением поездки в Москву и проникнутое глубокой любовью к советским людям. Стихотворение автор посвятил памяти «моего старого друга Горького». Многие советские писатели были друзьями Аморима. В русской и советской литературе, в советской действительности, пламенным пропагандистом которой он был, Энрике Аморим находил один из источников творческого вдохновения и гражданского мужества.

ОТ РОМАНТИЧЕСКИ сентиментального первого сборника стихов «20 лет» Энрике Аморим пришел к подлинному реализму в прозе и поэзии, отмеченному печатью большого и яркого таланта, от неясных политических исканий — в лагерь великой армии коммунистов.

В своем первом романе «Тарантас» Аморим развенчивает легенду о патриархальности уклада жизни уругвайских крестьян, срывает идеалистические стилизованные литературные покровы с типичной для деревни фигуры пастуха — гаучо. Времена, когда гаучо являлись синонимом свободного, не обремененного никакими обязательствами человека, канули в прошлое. Лишь внешний вид делает современного гаучо похожим на своего вольного предка: широкополая шляпа, плащ-пончо и горделивая посадка в седле; гаучо стал пеоном, собственностью помещика, жертвой нищеты и произвола. По силе социального обличения роман «Тарантас» не знает себе равного в уругвайской литературе.

С литературной зрелостью к Амориму приходит строгая взыскательность. Следующий его роман появляется только через 5 лет. Это «Крестьянин Агиляр», который вместе с романом «Лошадь и ее тень» (1941 год) составляют трилогию, начатую романом «Тарантас».

Драматизм и острота социальных конфликтов нарастают в последующих повестях и романах Энрике Аморима: «Луна сделана из воды», «Девять лун Неукена», «Победа не приходит сама», в антифашистском романе «Ярмарка комедиантов», «Открытый корраль», «Лесные люди», «Устье».

Свою судьбу с компартией Энрике Аморим связал в годы второй мировой войны, когда, по его словам, «только звезды могли оставаться нейтральными». Даже махрово католическая газета «Эль Пуэбло» была вынуждена отдать дань мужеству человека, когда недавно пыталась объяснить читателям, что могло побудить выходца из семьи «классической скотоводческой буржуазии» стать коммунистом: «По происхождению он не рабочий, а буржуа, — писала газета. — Он не ждал от социальной революции благ для себя, ибо занимал прочное «экономическое» положение. Он не искал политических выгод, потому что его партия их не имела; не искал личного спокойствия, так как знал, что встретит враждебность, а возможно, и преследование. Он не искал чьей-то благосклонности, ибо знал, что подавляющее большинство его осудит... Человек, который решится на все это, без сомнения, является настоящим человеком».

Да, Энрике Аморим был настоящим человеком. Человеком с большой буквы. И вопреки утверждениям католической газеты, его окружала не враждебность (она исходила от небольшой кучки людей), а любовь и глубокое уважение. «Дон Энрике» — так ласково называли Аморима в Уругвае.

АМОРИМ, как никто другой, сделал очень много для своего родного Сальто — большого провинциального города Уругвая. По его инициативе город увековечил память о своем славном земляке Орасио Кироге. С помощью Аморима было построено здание школы. Рядом с усадьбой «Облака» стоит небольшой дом, подаренный писателем городу и превращенный в музей истории Сальто.

Ценой огромных усилий Аморим добился сооружения памятника своему другу, замечательному испанскому поэту Федерико Гарсиа Лорка, убитому фашистами в Гренаде во время гражданской войны в Испании. На берегу пограничной с Аргентиной реки Уругвай стоит скромная кладка из каменных плит, символизирующая стену, у которой был расстрелян испанский поэт, с выбитыми на ней строфами стихотворения поэта Антонио Мачадо:

Друзья, воздвигнем в Аламбре *
из камня и тени
Гробницу поэту у источника, который
плачет и вечно журчит —
Преступление свершилось в Гренаде,
В его Гренаде.

И вполне закономерно, что гневный обличитель феодально-помещичьего гнета, убежденный антифашист, становится пламенным борцом за мир. Голос Аморима, клеймящего поджигателей войны, звучал с трибуны конгрессов в защиту мира. О его верности до последнего вздоха делу мира говорит такой факт: в предсмертный час Аморим попросил положить себе на грудь стоявшую у изголовья белоснежную гипсовую скульптуру голубя.

...Мы посетили дом Аморима за несколько дней до его смерти с целью поздравить писателя с 60-летним юбилеем. Он был тяжело болен, но с прежней страстью говорил об успехах Кубинской республики в борьбе за национальную независимость.

Одно из последних неопубликованных при его жизни произведений — поэма «Говорю, Фидель». Вот небольшой отрывок из нее.

Говорю, Фидель,
И мракобесы,
Ростовщики,
Негроторговцы,
Пессимисты,
Те, кто умышленно пишут,
чтобы ввести в заблуждение
и обмануть,
те, кто питают невежество,
те, кто сеют ложь
и смуту,
все они бегут со своими самолетами,
со своими вечными перьями,
и со своими машинистками
в пещерные жилища.

Да, Энрике Аморим глубоко верил, что недалек день, когда на земле всей Латинской Америки не останется места для тех, «кто сеют ложь и смуту».

К. КАРЕНИН

САЛЬТО—МОНТЕВИДЕО

* Знаменитый мавританский дворец в Андалузии, на родине Лорки.

ОТ ГАВАНЫ ДО САНТЬЯГО

6. *В Ориенте — самой восточной провинции Кубы — неподалеку от города Мансанильо, на берегу Карибского моря, солдаты освободительной армии (их называют здесь rebeldes — повстанцы) строят городок для рыбаков, живущих со своими семьями в бедной деревушке.*

Прямые улицы, красивые чистые домики...

«ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ СЕЙЧАС» — под таким названием на экраны столицы был выпущен недавно новый кубинский фильм. Как хорошо эти слова выражают чувства строителей городка и его будущих жителей!

Посланцы Польши

В Союзе писателей СССР состоялся прием группы участников «Поезда мира и дружбы», прибывшего в Москву из Польши.

В непринужденном разговоре, который продолжался около трех часов, гости задавали вопросы о переводах на языки народов СССР произведений польских писателей, о детской и юношеской литературе в нашей стране, об участии писателей в общественной жизни, о литературной критике и т. д.

На вопросы отвечали секретарь правления Союза писателей СССР К. Воронков, главный редактор журнала «Вопросы литературы» В. Озеров, писательница М. Прилежаева и другие.

— Мы счастливы, что смогли приехать в Советский Союз, — сказал от имени гостей М. Кужина, член Общепольского комитета мира, редактор католического журнала «Керунки». — Всюду на нашем пути мы встречаем самый сердечный прием. Наши встречи носят характер политического единства, которое основывается на базе общей борьбы за социализм, за мир. Если же говорить о настоящей встрече, то ее делает сердечной еще и прекрасная задача наших литератур — помочь человеку в его духовном росте.

ЦЕНА ПЕПЛА

ВТОРАЯ мировая война оставила много неутешных вдов. В Нюрнберге, в Сан-Лоренц-кирхе, я видел, как плакала над поминальной книгой «Павшие за Германию — список прихожан...» еще не старая женщина. Семнадцать лет назад ее муж, трамвайный кондуктор Эргард Шмидт, погиб «за Германию» на улицах Киева. С тех пор она не могла успокоиться — каждый день приходила в церковь, вслушивалась в слова проповедника, пытаясь понять, почему «за Германию» следовало погибнуть в Киеве, а не в Нюрнберге.

Я перелистал эту поминальную книгу — в ней было много имен: дата рождения, дата и место смерти (все «Остфронт» — Сталинград, Сталинград, Воронеж) — и, в утешение родственникам, под каждым именем стояла строка из евангелия. В конце книги осталось несколько незаполненных, но тщательно разграфленных страниц. Может быть, «за Германию» должен пасть еще кто-нибудь?

Подошел служитель, увидел в моих руках книгу, угрюмо сказал:

— Не трогайте этого. Все мы равны перед смертью, побежденные и победители, друзья и враги...

Почти то же самое было написано после войны в американской газете «Нью-Йорк таймс»:

«Пепел ни в чем не повинен... Пепел жертв и пепел величайших преступников состоит из одних и тех же элементов, его развевает один и тот же ветер, и одна и та же вода уносит его».

Это звучало очень красиво и являлось неопровержимым с точки зрения химии. Однако в действительности существуют разные виды пепла и цена этих видов разная. Различная цена установлена и на вдовьи слезы. Вдова трамвайного кондуктора Шмидта получает за пепел своего мужа сотню западногерманских марок, а госпожа Гейдрих — вдова руководителя гестапо — несколько тысяч. В Западном Берлине проживает фрау Бургхаузе-Элла, муж которой погиб в концентрационном лагере Нейенгамме. Ей не платят ни пфеннига — три судебные инстанции смогли доказать, что муж Эллы Бургхаузе не пал «за Германию»; в последнем решении суда сказано: «Меры, принятые гестапо в отношении Бургхаузе, диктовались соображениями безопасности и обстоятельствами военного времени».

На днях к числу осиротевших семейств прибавилась еще семья фельдмаршала Кессельринга. Впрочем, к этой участи она была готова еще в 1946 году, когда английский трибунал приговорил Кессельринга как военного преступника к смертной казни. Правда, расстрел ему заменили пожизненной каторгой, затем последовала амнистия. Кессельринг закончил свой жизненный путь высокопоставленным пенсионером, «духовным отцом» западногерманской армии, человеком, близким к правительству Аденауэра. Его пышно похоронили в Бад-Наугейме. Пепел его оказался чрезвычайно дорогим. Западногерманская пресса пишет о «незабываемых заслугах» покойного. Кессельринг «решительно» уничтожал итальянских партизан, «блестяще» показал себя в Польше и во Франции и «чуть было» не победил Англию...

Было, однако, время, когда к вопросу о пепле жертв и пепле палачей относились не столь легкомысленно. В 1946 году в Нюрнберге прозвучал приговор Международного военного трибунала. Он назвал виновных по имени и поставил точный диагноз. Агрессия, развязанная Гитлером и его генералами, разнузданная жажда захвата непосредственно связывались с убийством миллионов людей, с тем горьким «пеплом жертв», который траурной вдовьей фатой окутал Европу...

Лев ГИНЗБУРГ

Выйдя из Сан-Лоренц-кирхе, я направился к зданию трибунала. Здесь не было ни музея, ни мемориальной доски: видимо, в Нюрнберге не хотели, чтобы люди вспоминали о том, как, отвечая за пепел жертв, палачам пришлось самим однажды стать пеплом.

Рядом со мной стоял продавец газет в форменной шапке. Подмигнув, он сунул мне в руку газету:

— Вот прочитайте... Пятьдесят пфеннигов... Удовольствие получите громадное...

Это был свежий номер газеты «Дейче зольдатен-цейтунг». Там было напечатано следующее:

«Репортаж из 1970 года... Начались процессы над военными преступниками... В качестве первых обвиняемых на скамье подсудимых оказались девятнадцать участников Женевской конференции по разоружению 1962 года».

«Дейче зольдатен-цейтунг» мрачно смотрит на будущее. Она предсказывает тяжелые времена. В 1961—1962 годах великие державы договорятся о разоружении. Первым сократит свою армию Советский Союз, уничтожит атомные и водородные бомбы, затем его примеру последует Запад. В море полетят дальнобойные пушки, танки, пулеметы, за ними — ручные гранаты, винтовки, револьверы, наконец с самого последнего солдата снимут военное обмундирование. В мире наступит мир. И вот тогда на Запад, через Эльбу, ринутся, вооруженные дубинами, «азиаты»...

Странно было читать это здесь, в Нюрнберге, у исторического здания, где некогда совершился величайший акт всемирной справедливости и осуждены были война, жестокость, убийство. Ведь самый смысл этого гнусного «репортажа» состоял в том, что сопротивление убийству, разоружение, воля к миру были объявлены преступлением, изменой.

— Бойтесь разоружения! — как бы говорила газета. — Не прекращайте убийств! Дайте нам атомное оружие!..

⁂

В Мюнхене писатель Леонгард Франк читал нам отрывок из своей новой пьесы. Действие ее происходит в Западной Германии, в наши дни, сюжет пьесы трагичен и жизнен: судят девушку, обесчещенную нацистами, не выдержавшую глумления и отомстившую своим палачам. Есть в этой пьесе примечательные слова:

«Портрет Гитлера сняли, но сатанинский дух его жив и продолжает действовать в нашей стране...»

Леонгард Франк сказал:

— Я считаю эту пьесу своей важнейшей работой. Фашизм вновь обнаглел. Неужели забудется недавнее прошлое и из него не извлекут никаких уроков? Вновь возвращается к нам зловещий призрак расизма. Поэтому надо напоминать людям о том, что мы пережили и до чего дожили. Вы о деле Эйхмана слышали?..

⁂

Это уже не сенсация — поимка Адольфа Эйхмана. Бурное время насыщено событиями: Куба, Конго, подготовка к Генеральной Ассамблее. Эйхман может и подождать. Он сидит в подземной тюрьме в Лидде, близ Тель-Авива; суд состоится не раньше декабря, тогда о нем заговорят снова.

Три месяца назад сообщение о его аресте потрясло весь мир. Недавно на русском языке вышла переведенная с немецкого книга — «СС в действии»... Там достаточно подробно рассказано о злодеяниях Эйхмана. В примечаниях редактора сообщается:

«Адольф Эйхман... после краха гитлеровского рейха покончил самоубийством».

Книга подписана к печати 11 марта 1960 года.

В то время синьор Рикардо Клемент еще служил на автомобильном заводе западногерманской фирмы Мерседес-Бенц в Аргентине.

И вот — нет никакого Рикардо Клемента, а есть Адольф Эйхман, и уже лежат на столах следователей протоколы допросов, и усталый, стареющий человек повествует о душегубках, костедробилках, газовых камерах, о золотых зубах, которые были «изъяты изо рта» жертв, и о том, как в печи Майданека и Освенцима бросали в качестве топлива еврейских детей.

Сидя в тюрьме, перед лицом смерти, даже самые закоренелые преступники становятся мягче, сентиментальнее, у них появляется склонность к философским размышлениям.

Рассказывают, что в канун казни в Нюрнберге гитлеровский генерал Иодль долго рассматривал фотографию, на которой он был изображен в годовалом возрасте на руках у матери.

«Для чего я родился?» — спросил он тюремного парикмахера Витткампа. — Больше того, почему я не умер тогда?.. Для чего я вообще жил на свете?»

Едва ли Эйхману придет в голову подобный вопрос. В 1945 году он сам сказал своему сослуживцу Дитеру Вислицени:

— Я жил не зря. На моей совести пять миллионов убитых. Я это сознаю с удовольствием и готов хоть сейчас с улыбкой прыгнуть в могилу...

С тех пор прошло много лет — Эйхман все еще жив, более того, за его жизнь идет упорная, явная и тайная политическая борьба.

Собирается в далекое путешествие западногерманский адвокат доктор Сервациус. Он вызвался защищать Эйхмана, так же как четырнадцать лет назад защищал на Нюрнбергском процессе заработорговца Фрица Заукеля. Тогда, желая выгородить своего подзащитного, он сваливал всю вину на гестапо, на ведомство Гиммлера, в котором сотрудничал Эйхман. Интересно, что он скажет сейчас?

Западная Германия пробует уговорить Израиль отказаться от процесса, в крайнем случае от применения смертной казни. Там, в Западной Германии, пишут, что казнь Эйхмана «могла бы причинить огромный моральный ущерб с далеко идущими последствиями».

«Эйхмана надо судить по законам Федеративной Республики... Необходимо избежать малейших оснований для разговоров о мести».

До декабря есть еще время. Может быть, все и обойдется?

⁂

Когда начнется процесс, могут выясниться многие подробности: ждут потрясающих разоблачений — неспроста в Западной Германии так неспокойны официальные лица. Следствие проводится в глубокой тайне. Чьи имена фигурируют в протоколах допросов? Оберлендера, Хойзингера, Глобке, а может быть?..

Не стоит гадать.

Поговорим пока о другом. В чем преступление Эйхмана? Вернее, в чем некоторые особенности его преступления?

С давних времен всякое убийство, противозаконное лишение жизни человека другим человеком, было сопряжено для убийцы с известным риском, с боязнью ответственности, во всяком случае самый акт противозаконного, бессудного убийства предполагал душевную травму, психический надлом, то «преступление» нравственных граней, о котором говорил в своих романах Достоевский. Преступление и наказание являлись составными частями двуединой формулы.

Фашизм избавил убийц от страха перед наказанием, от всякого личного риска. Чувство полнейшей безнаказанности было тем развращающим началом, которое делало зверями в общем-то заурядных и ничем не примечательных людей.

Убийство превратилось в профессию. Палачи, истязатели, те, которые сжигали младенцев, вешали стариков и производили стерилизацию школьниц, получали от фашистского государства жалованье, ежедневно ходили на службу, писали докладные записки и составляли поквартальные отчеты.

Кровавая история гитлеризма не нуждается в летописцах. Она подробно изложена в грудах официальных бумаг — ни одно предприятие не обставлялось более бюрократически, чем истребление людей при Гитлере. Сохранилось множество циркуляров, инструкций, телефонограмм, распоряжений. Прочтите выдержку из докладной доктора Беккера. Тема — «Газовые автомобили»:

«Газ не всегда применяется правильно. С целью закончить как можно скорее шофер нажимает на акселератор до отказа. Таким образом, люди умирают от удушья, а не от отравления, как это было запланировано».

Из инструкции «О коллекционировании черепов еврейско-большевистских комиссаров»:

«При умерщвлении надо следить за тем, чтобы голова не была повреждена... После этого уполномоченный должен отделить голову от тела и послать ее в герметически закрытом ящике».

Дитер Вислицени рассказывал об Эйхмане:

— Он был во всех отношениях настоящим бюрократом. О каждом совещании... он составлял памятную записку; он часто повторял мне, что самое главное состоит в том, чтобы все санкционировалось сверху...

Во всем этом бюрократизме были своя цель и задача: убедить убийц в том, что убийство есть один из видов нормальной человеческой деятельности, сопровождаемой обычными процедурами и атрибутами: веденнем делопроизводства, соблюдением правил внутреннего распорядка, субординацией, получением заработной платы, системой служебных поощрений и порицаний.

От убийц требовали повышения квалификации, знания дела.

Прежде чем стать руководителем «еврейской секции» гестапо, Эйхман обучался древнееврейскому языку у раввина: гестапо аккуратно выплачивало учителю три марки за урок. Затем Эйхман был направлен на лингвистическую практику в Палестину.

Начальство концентрационных лагерей не только убивало и вешало. Оно было озабочено также внедрением новых методов и усовершенствованием «процесса».

Комендант Освенцима — тезка и однофамилец заместителя «фюрера» — Рудольф Гесс, один из подопечных Эйхмана, удовлетворенно сообщал:

«Усовершенствованием, которое мы провели по сравнению с лагерем Треблинка, было то, что мы построили нашу газовую камеру так, что она могла вместить 2 000 человек одновременно, а в Треблинке десять газовых камер вмещали по 200 человек каждая».

Что касается идеологического обоснования убийств, то для него нашлись и «теории», и штат теоретиков. «Это нужно для Германии», «Славяне — низшая раса», «Евреев надо давить, как вшей», — трудно поверить, что столь примитивные лозунги могли повлиять хоть на одного человека. Между тем они оказались достаточными для того, чтобы тысячи убийц нашли внутреннее оправдание для своих ужасающих действий.

Дело Эйхмана так или иначе могло бы вызвать к жизни вопрос: виновен или невиновен убийца, который уничтожал миллионы людей во имя фашистской «идеи» (смотри приведенные выше лозунги)?

Смягчает ли вину то обстоятельство, что, совершая убийство, убийца действовал в строгом соответствии с циркуляром?

В Западной Германии боятся ответа на эти неумолимые вопросы.

Не жизнь Эйхмана дорога его заступникам. Утрату можно было бы как-нибудь пережить.

Речь идет о суде над убийством, над тем «узаконенным» и «санкционированным сверху» истреблением человечества, которое находит свое высшее воплощение в агрессивной войне.

В казармах бундесвера, в школах разведчиков и шпионов, в различных союзах и организациях воспитываются тысячи молодых людей, которым вручены соответствующие инструкции и циркуляры, выдано соответствующее оружие и сказано:

— Действуйте. Мы отвечаем. Это нужно для Германии...

(Окончание следует)

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — В 8-99-33, искусств — Б 1-11-69, литератур народов СССР — В 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—03401